

Познавательные способности русских крестьян доиндустриальной эпохи

Б. Н. Миронов

Для цитирования: *Миронов Б. Н.* Познавательные способности русских крестьян доиндустриальной эпохи // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63. Вып. 4. С. 000–000. <https://doi.org/>

подавляющее большинство русских крестьян в поздней имперской России не прошли систематического школьного обучения. Даже в 1917 г. два из трех крестьян мужского и женского пола в возрасте 10 лет и старше были неграмотными. По этой причине они еще не вполне овладели познавательными способностями образованного человека и обладали специфическим, так называемым симпрактическим мышлением. Оно представляет собой практический анализ и синтез, обобщение без отрыва от конкретного и в пределах непосредственно доступной им информации. Абстрактное мышление слабо развито, индивид может оперировать информацией, почерпнутой почти исключительно из своего жизненного опыта и в рамках этого опыта. Однако равнодушие к формальным операциям и логическим абстрактным рассуждениям не есть неспособность к мышлению: те же самые крестьяне, которым отвлеченная мысль давалась с трудом, в тех случаях, когда какой-нибудь предмет представлял для них жизненный интерес, показывали себя рассудительными, умелыми, искусными и изощренными. Психологи полагают, что говорить об иерархии типов мышления некорректно, они оперируют разным языком, по-разному контактируют с миром и только во взаимодействии представляют собой единую систему психической деятельности. Познавательным способностям соответствуют метакогнитивные умения человека: текущий самоконтроль и саморегуляция, способность размышлять о мыслительных процессах своих и других людей, заниматься самоанализом и самокритикой, анализировать свои поступки в прошлом, связывать их с реальностью настоящего и мысленно переноситься в собственное будущее, рассуждать на высоком моральном уровне. Ввиду этого Я-концепция крестьян и образованных людей существенно различались. В своем большинстве земледельцы по сути своей являлись коллективистами, старались воздерживаться от того, чтобы идти вразрез с групповыми интересами, ставить личные цели и желания выше общественных, проявлять в своих действиях и поступках самостоятельность и независимость и строить свое поведение исходя из собственных убеждений.

Ключевые слова: крестьянство доиндустриальной эпохи, познавательные способности, когнитивные процессы, симпрактическое мышление, Я-концепция крестьян.

Борис Николаевич Миронов — д-р ист. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; b.mironov@spbu.ru

Boris N. Mironov — Doctor in History, Professor, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya emd., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; b.mironov@spbu.ru

Статья подготовлена при поддержке гранта № 15-18-00119 Российского научного фонда.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2018

Intellectual Abilities of Russian Peasants of the Pre-industrial Era

B. N. Mironov

For citation: Mironov B. N. Intellectual Abilities of Russian Peasants of the Pre-industrial Era. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2018, vol. 63, issue 4, pp. 000–000. <https://doi.org/> (In Russian)

The overwhelming majority of Russian peasants in late imperial Russia did not undergo systematic schooling. For this reason, they have not yet fully mastered the cognitive abilities of the educated person and possessed a specific, so-called sympathetic thinking. It is a practical analysis and synthesis, a generalization without detaching from the concrete and within the information directly accessible to it. Abstract thinking is poorly developed, an individual can operate with information derived almost exclusively from his life experience and within the framework of this experience. However, indifference to formal operations and to logical abstract reasoning is not an inability to think: the same peasants to whom abstract thought was given with difficulty, in those cases when an object represented to them a vital interest, showed themselves to be judicious, skillful, and refined. Cognitive abilities correspond to the metacognitive skills of a person — the current self-control and self-control, the ability to reflect on the thinking processes of one's own and other people, to engage in self-analysis and self-criticism, to analyze their actions in the past, to connect them with the reality of the present and mentally transfer to their own future, to reason at a high moral level. In view of this, the self-concept of peasants and educated people differed significantly. In their majority, farmers were collectivists in essence, tried to refrain from going against the group interests, to set personal goals and desires above the public, to show independence and independence in their actions and actions and to build their behavior based on their own convictions.

Keywords: *peasantry* of preindustrial epoch, cognitive abilities, cognitive processes, sympraktic thinking, self-concept of peasants.

Среди множества когнитивных способностей человека я выбрал для анализа счет, измерение, определение времени и возраста, а также использование абстрактных понятий. Я руководствовался двумя соображениями. Во-первых, эти умения «экспериментально» изучались корреспондентами Этнографического бюро кн. В. Н. Тенишева (ЭБ), в анкете Тенишева содержались об этом специальные вопросы. Во-вторых, именно эти умения наилучшим образом позволяют понять особенности мышления, наличие или отсутствие абстрактного концептуального мышления у людей, что представляет большой интерес при изучении поведения российских крестьян и рабочих в массовых движениях и революциях.

Как считали

А. Н. Энгельгардт (1832–1893) в своих известных «Письмах из деревни» рассказал, как неграмотный крестьянин, которому он доверил счетоводство в своем хозяйстве, вел учет:

«Иван грамоте не знает, писать не умеет, а между тем он заведует амбаром, принимает и отпускает хлеб, лен, сало, масло, крупу, жмыхи, считает летом сено, навоз, снопы и пр. и пр. Счетоводство у меня в порядке; приход и расход всего и ход всех работ записывается до малейших подробностей и все это ведется мною при посредстве Ивана, который ежедневно подает счет по большей части предметов, а по некоторым подает счет в конце

месяца. Все свои счета Иван отмечал, зарезывал прежде на бирках, то есть четырехгранных палочках, которые у него имелись отдельные для каждого предмета, а теперь пишет карандашом на узких листочках толстой бумаги, употребляя особые письмена, кресты, палочки, кружки, точки, ему одному известные. Вечером, отдавая отчет, Иван вынимает бумажку, долго ее рассматривает и, водя по ней пальцем, начинает: в застольную муки 2 пуда, круп ячных 3 фунта, сала 1 фунт, солонины 15 фунтов и т. д. В конце месяца Иван является с целым пучком палочек и отчитывается, диктуя, например, по овсяной палочке:

— Птицам 5 мерок, лошадям 1 куль, Мишке в город 4 гарнца, климовским лошадям 1 мерка, вам в город 1 мерка, ямщику, что привозил петербургского барина черненького, мерка, Петра Иваныча лошадям 4 гарнца и т. д. Всего 6 кулей.

— Теперь рожь: Панасу куль, дуровскому крестьянину 2 куля, Фоке осьмина, лужковской бабе 10 куль, для себя смололи 5 кулей, Роде куль, бабе из Ольховки три меры и т. д. Всего 38 кулей, 3 мерки.

Принимая от баб лен, если меня нет, Иван по-своему отмечает, сколько какая баба намяла и, отдавая вечером отчет, диктует мне по своей бумажке:

— Дарочка 33 фунта, Акулина 1 пуд 8 фунтов, Семениха Деминская 39 фунтов, Козлиха с дочкой 1 пуд 22 фунта, Немая 27 фунтов, Семениха Анципёровская 1 пуд, Катька 30 фунтов, Катька-солдатка 1 пуд, Хвросья 23 фунта, Фруза 29 фунтов, Матрена 1 пуд 20 фунтов и т. д.

Лен мнут от 30 до 40 баб, и никогда никакой ошибки, а тут всякая ошибка сейчас будет замечена, потому что каждая баба отлично помнит, сколько она когда намяла, и при окончательном расчете отлично знает, сколько ею всего намято и сколько приходится получить денег»¹.

По сути Иван считал так, как считают теперь дети дошкольного или младшего школьного возраста, привязывая цифры к конкретным предметам.

Зналок крестьянского быта писатель Н. В. Успенский (1837–1889) в своем рассказе «Обоз» передает диалог крестьян, подсчитывавших свои расходы. «Ивлий! Не знаешь ли: пять да восемь — сколько?» — «Пять да восемь... А ты вот что сделай, поди острыгай лучиночку и наделай клепышков». Пришлось идти раскалывать лучину. Два других мужика, затрудняясь сделать расчет, говорили: «Примерно, ты будешь двугривенный, а я четвертак, этак слободней соображать»². Как видим, мужики не могли ответить на вопрос, сколько будет 5+8. Чтобы решить эту задачу, им пришлось сделать лучинки и считать с их помощью.

Наблюдения Энгельгардта и Успенского подтверждаются массовыми сведениями, собранными в 1898–1900 гг. ЭБ по специально составленной в 1897 г. анкете, включавшей 491 вопрос. Цель исследования, предпринятого Тенишевым, состояла в том, чтобы получить всестороннее и глубокое представление о повседневной жизни великорусских крестьян-землепашцев Центральной России. Таким образом, предметом исследования являлся не быт всех российских крестьян и даже не всех русских крестьян, а быт тех русских крестьян, которые проживали в центральных великорусских губерниях, где русское население составляло большинство населения и где занимались земледелием. Это весьма важные ограничения, так как русские крестьяне, проживавшие в городских поселениях, а также и в сельских, но занятые преимущественно в промышленности, промыслах, торговле и других неземледельческих сферах, существенно отличались своими повседневными прак-

¹ Энгельгардт А. Н. Из деревни. 12 писем. 1872–1887. М., 1937. С. 190.

² Успенский Н. И. Обоз // Русские очерки: в 4 т. Л., 1956. Т. 1. С. 544.

тиками от крестьян-земледельцев, а жизнь крестьянства нерусских этносов вообще проходила в рамках других культур.

Материалы опроса хранятся в архиве Российского этнографического музея³. Их тщательный источниковедческий анализ сделан Б. М. Фирсовым и И. Г. Киселевой⁴. Согласно их оценке, в бюро поступило около 1873 рукописных сообщения от примерно 365 корреспондентов (в среднем по 5 сообщений от одного), распределенных с разной частотой по 23 великороссийским губерниям Центральной России⁵. Поступившие материалы содержали, как правило, оригинальные сведения, собранные на основе включенного наблюдения образованными людьми — лицами духовного звания, семинаристами, народными учителями, врачами, представителями сельской и волостной администрации, земскими деятелями, студентами, помещиками и очень редко крестьянами. Исследователи, пользовавшиеся материалами ЭБ, «единодушно подчеркивают богатство собранных сведений, их актуальную ценность, разветвленную связь с трудом, культурой, структурами повседневной жизни крестьян» и высоко ставят их достоверность⁶. Отмечу, что полученная от корреспондентов информация хорошо коррелирует с данными, приводимыми известными и заслуживающими доверие исследователями и писателями-современниками, с другими материалами, полученными посредством программного метода, а также подтверждаются массовыми статистическими данными⁷.

³ Использованы опубликованные материалы по 9 губерниям: Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» кн. В. Н. Тенишева (далее — РК) / руководитель проекта В. М. Грусман; науч. ред. Д. А. Баранов, А. В. Коновалов. СПб., 2004–2016 (т. 1. Костромская и Тверская губернии; т. 2, ч. 1–2. Ярославская губерния; т. 3. Калужская губерния; т. 4. Нижегородская губерния; т. 5, ч. 1–4. Вологодская губерния; т. 6. Курская, Московская, Олонецкая, Псковская, Санкт-Петербургская и Тульская губернии; т. 7, ч. 1–4. Новгородская губерния); т. 9 этого издания (Казанская губерния) вышел в Казани в 2017 г.; Фирсов Б. М., Киселева И. Г. Быт великорусских крестьян-землепашцев. Описание материалов Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева (на примере Владимирской губернии). СПб., 1993. Уезд далее обозначается сокращенно — у.

⁴ Фирсов Б. М., Киселева И. Г. 1) Структуры повседневной жизни русских крестьян конца XIX века (опыт этносоциологического изучения) // Социологические исследования. 1992. № 4. С. 3–14; 2) Быт великорусских крестьян-землепашцев... С. 5–32. Авторы опирались на труды предшественников: Журавлева Л. С. К истории публикации «Программы» В. Н. Тенишева // Советская этнография. 1979. № 1. С. 122–123; Начинкин Н. Н. Материалы Этнографического бюро В. Н. Тенишева в научном архиве Государственного музея этнографии народов СССР // Советская этнография. 1955. № 1. С. 159–163; Федоров В. А. Материалы В. Н. Тенишева как источник по истории культуры и быта русского крестьянства (конец XIX — начало XX в.) // Историографические и источниковедческие проблемы отечественной истории. Актуальные проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин. Днепрпетровск, 1985. С. 54–59.

⁵ Фирсов Б. М., Киселева И. Г. Быт великорусских крестьян-землепашцев ... С. 24. — «По сведениям же самих сотрудников Этнографического бюро, было получено в общей сложности 3492 рукописи. Причины столь значительного численного расхождения не совсем ясны. В отдельных случаях рукописи, не представлявшие интереса или содержавшие материал, выходящий за рамки программы, возвращались их авторам. Отдельные оригинальные рукописи оказались в собраниях других архивов» (Фирсов Б. М., Киселева И. Г. Структуры повседневной жизни... С. 5).

⁶ Фирсов Б. М., Киселева И. Г. Быт великорусских крестьян-землепашцев ... С. 11, 14.

⁷ Миронов Б. Н.: 1) Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII — начало XX века. 2-е изд., испр., доп. М., 2012. С. 437–505; 2) Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. 2-е испр. изд. СПб., 2018. Т. 3. С. 371–453, 474–535.

В анкете содержались четыре специальных вопроса о том, как крестьяне считают и меряют (№ 280, 281, 282, 283)⁸, и многие корреспонденты на них ответили⁹. Ответы основывались на включенном наблюдении и на экспериментах, которые респонденты проводили для понимания процесса и методики проведения вычислительных операций. Сделанные наблюдения представляют уникальный и бесценный материал, так как анализ операций с цифрами позволяет реконструировать интеллектуальные процессы. Профессиональные психологи этими проблемами на рубеже XIX–XX в. не занимались и таких экспериментов не ставили. Не все корреспонденты затронули вопрос счета и измерения. Тем не менее приведенных сведений оказалось достаточно для надежных выводов. Я дословно приведу самые полные, понятные и адекватные примеры, потому что лучше корреспондентов не сказать, а на остальные данные сошлусь в сносках.

«По степени умения считать здешних крестьян следует разделить на две группы — большую составят крестьяне неграмотные, считающие несколько своеобразными способами, и вторую, значительно меньшую, — обучавшиеся в школе, ведущие счет по усвоенной в школе системе. Первые считают очень слабо и процесс счисления производят медленно; редкий из них может свободно производить все комбинации с числами даже в пределах первого десятка; некоторые довольно свободно составляют десяток из двух чисел, сразу, не задумываясь и не глядя на пальцы, скажут, например, что 6 да 4 будет 10; $8+2=10$, $7+3=10$; но не сообразят быстро, что, напр., $3+4+3$ будет тоже 10; правда, каждый из них сосчитает это, но медленно, в 2 приема и непременно вслух, иной даже глядя на пальцы, соединив обе руки вместе: “3 да 3 будет 6; 6 да 4 будет 10”; только хороший математик из неграмотных мужиков сосчитает так: $3+4=7$; $7+3=10$. Для составления десятка из четырех чисел употребляют 3 приема, узнают сначала сумму каждого двух чисел в отдельности, а потом соединяют полученные суммы, и почти все прибегают в этом случае к помощи пальцев, которые вообще играют очень важную роль наглядного пособия при производстве счисления неграмотными крестьянами. Сложение двух чисел разной величины, в пределах тоже первого десятка, в особенности 4 и 3; 5 и 3, затрудняет иных крестьян, без пальцев сосчитать не могут, к 4 пальцам прикладывают 3 по одному: “Четыре, пять, шесть, семь”, — говорят. Числа одинаковой величины складывают быстро, даже наизусть знают, что 3 пары = 6; 5 пара = 10; 3 тройки = 9; 3 четверки = 12; 3 пятак = 15, а дальше уж затрудняются. Знают, что $6+3=9$, но производя это сложение, 6 разединяют на тройки и складывают 3 одинаковые числа. На счетах считают чрезвычайно медленно и вслух. Если крестьянину нужно, напр., к положенным уже на счетах 93 коп. прибавить

⁸ Тенишев В. Н. Программа этнографических сведений о крестьянах Центральной России / сост. на основании соображений, изложенных в кн. В. Н. Тенишева «Деятельность человека» князем В. Н. Тенишевым при участии г. г. В. Н. Добровольского и А. Ф. Булгакова. Смоленск, 1897 (2-е изд., испр. и доп. — Смоленск, 1898).

⁹ РК. Т. 1. С. 97 (Ветлужский у.), с. 241 (Галичский у.), с. 287 (Макарьевский у.), 327–329 (Солигаличский у. Костромской губ.); РК, т. 2, ч. 1. С. 302, 586 (Пошехонский уезд — далее у. Ярославской губ.); РК. Т. 2, ч. 2. С. 315 (Ростовский у. Ярославской губ.); РК. Т. 3. С. 46 (Жиздринский у.), с. 276–277 (Калужский у.), с. 516 (Мещовский у. Калужская губ.); РК. Т. 5, ч. 1. С. 183, 218 (Вологодский у., ч. 2. С. 258 (Грязовецкий у.), с. 585, 662 (Кадниковский у.), ч. 3. С. 95, 195, 387 (Никольский у.), ч. 4. С. 48, 172, 406–407 (Тотемский у.), 468–469, 481 (Устьсысольский у. Вологодской губ.); РК. Т. 6. С. 143–144 (Вытегорский у. Олонецкой губ.), 434 (Одоевский у. Тульской губ.); РК. Т. 7, ч. 1. С. 183–184 (Белозерский у. Новгородской губ.), ч. 2. С. 248–249, 527 (Череповецкий у.), ч. 3. С. 234–239 (Череповецкий у.), ч. 4. С. 156–157 (Тихвинский у. Новгородской губ.); Фирсов Б. М., Киселева И. Г. Быт великорусских крестьян-землепашцев ... С. 172–174 (Меленковский у., Шуйский у. Владимирской губ.).

68 коп., он, прибавляя, говорит: “Рубль на кости, 4 гривны с костей; гривенник на кости, 2 коп. с костей”¹⁰.

«Чтобы показать, как считают крестьяне, я однажды в воскресенье пригласил к себе знакомого мужика и попросил его сосчитать мне кучку мелких денег, в которой было 9 руб. 85 коп. такими монетами: 18 *двугривенных*, 21 *пятиалтынный*, 17 *гривенников*, 13 *пятачков*, 14 монет по три копейки, 12 по 2 и 9 по 1 коп. Крестьянин был самый обыкновенный мужик, т. е. не особенно развитой, но и не глупый, знал грамоту, умел несколько на счетах считать. Прежде всего, он монеты разложил в кучки по их стоимости; сначала выбрал все двугривенные и положил их в сторону, потом пятиалтынные, затем гривенные и т. д. Всего составилось 7 кучек. После этого приема он стал составлять рубли: взял пять двугривенных. “Это будет рубль”, — сказал он и отложил его в сторону, потом другой и третий. Остается 3 двугривенных, к которым он присоединил 2 пятиалтынных и 1 гривенник. Таким образом, у него составилось 4 кучки по рублю в каждой. Принялся за пятиалтынные: отобрал их шесть штук и прибавил к ним гривенник; так он из этих монет, с придачей к ним гривенников, получил 3 рубля. Из серебрушек у него осталась одна в 15 копеек и тринадцать по 10 копеек. Он взял 8 руб., оставшийся пятиалтынный и 5 копеек меди. Был готов и восьмой рубль. Из оставшихся 5 гривен с прибавкою 10-ти *пятачков* образовался 9-й рубль. Поглядел на оставшиеся монеты, пораскинул в уме, но видит, что рубля не выйдет, начал составлять гривенники: 2 *пятачка* — гривенник, две монеты по 2 копейки и 2 по копейке — еще гривенник. Всего гривенников набралось 8. Когда и этот процесс был кончен, он стал подводить общий итог. “Раз, два, три, — считал кучки по рублю, тыча в них пальцем, и насчитал 9 рублей, потом — раз, два, три...”, — кучки по гривеннику. “Восемь гривен и пять копеек, — произнес он, — а всего это выйдет 9 руб. 8 гривен с *пятаком*”. Если бы крестьянину пришлось считать крупные суммы, тогда бы он сперва стал составлять сотни рублей, потом десятки, затем уже единицы. Так он считает и в уме. ... Мясник, например, продал 28 1/2 ф. говядины по 8 1/2 коп. фунт. Он вот как сосчитал стоимость проданного мяса: за пуд 3 руб. 40 коп., за полпуда полтора рубля да 20 коп. — 1 руб. 70 коп. за 10 фунт. — 85 коп., за фунт долой 8 1/2 коп. да за 1/2 фунт. 4 1/4 коп., а всего 13 без четверти; ну, для уважения 1/4 коп. сбрасываю, 13 долой — 72. 1 руб. 70 коп. да 30 коп. оттуда возьмем, будет 2 руб. 42 коп.»¹¹.

«Многие крестьяне знают счет лишь только до ста, и то часто счет ведется неправильно, например, считая: двадцать семь, двадцать восемь, двадцать девять, далее ведут счет — не тридцать, — двадцать десять, тридцать один и т. д.»¹². «На практике крестьянам приходится считать не более как до 2—3 тысяч. *Что же касается умственных действий над числами, то этим крестьяне совсем не занимаются*, если только не принимать во внимание школьников. Счет производится сначала единицами и десятками, потом сотнями и тысячами. Например нужно сложить 36 и 14 снопов льна. Крестьянин считает вслух: “6 снопов льна да 4 — это будет 10” (при этом откладывается спичка или небольшая лучинка), 30 снопов льна да 10 — будет 40 (откладывается еще четыре лучинки) и т. д.; затем считаются лучинки, в данном случае 5 лучинок, т. е. 5 десятков или 50. Когда лучинок много бывает, то они раскладываются на партии по 10 штук в каждой, чтобы узнать, сколько сотен. Слово “тысяча” редко произносится, предпочитают сотни, напр., вместо тысячи говорят “десять сот”, вместо 1200 — “двенадцать сот” и т. д. Крестьяне, умеющие на счетах (а таковых очень мало) сложение и вычитание на них и производят, а те, которые не умеют, — на пальцах или посредством спичек и лучинок. Например, 45 крестьяне

¹⁰ РК. Т. 7, ч. 3. С. 234, 237 (Череповецкий у. Новгородской губ.).

¹¹ Там же. Ч. 2. С. 248, 249 (Череповецкий у. Новгородской губ.).

¹² РК. Т. 1. С. 241 (Ветлужский у. Костромской губ.).

так вычитают из 73: берут 7 лучинок (по числу десятков 73), из них откладывают 4 (десятка), остается 3 (десятка), потом уже своим умом из 5 вычитают 3, остаток — 2, последнее число вычитается из 3 десятков получается 28. *У тех крестьян, у которых хорошая память, при счетах лучинки не употребляют.* Деление и умножение сводятся к вычитанию и сложению (курсив мой. — Б. М.)»¹³.

Корреспонденты зафиксировали *гендерные различия* в совершении вычислительных операций:

«Особенно плохо считают бабы. Нередко можно услышать, как они считают: “один, 2, 3... 20, 21 ... двадцать десять”, потом сразу 31. При счете самый употребительный прием простое присчитывание по единице, с пособием пальцев руки. Бабы очень редко считают иначе, т. е. парами, пятками, десятками. Большое (двухзначное или трехзначное число. — Б. М.) трудно запоминают»¹⁴.

«Женщины считают очень плохо. Если ей, например, придется сосчитать за 6 фунтов масла по 22 коп. за фунт, то она употребит на это времени минут 20–30, да и то не будет уверена — правильно ли это сделала. В таких случаях она сама и не берется делать вычисление: “Уж ты сам прикинь, батюшка или матушка, — говорит она, — я неграмотная, а ты не будешь обманывать”»¹⁵.

«Женщины считают хуже мужчин; говорят, есть такие, которым в двугривенном толку не знают. И немудрено: им совсем почти не приходится считать, у них во всю жизнь случайно несколько раз бывал в руках двугривенный. Местный маслодел уверяет, что при приеме молока от баб был следующий казус. Скупой муж одной крестьянки д. Сумина свесил дома на безмене молоко и сказал: “13 фунтов, смотри, не расплескай дорогой”. Молока оказалось 14 ф., о чем маслодел и сообщил бабе. Баба взвыла: “Вот те Христос, дорогой хоть бы капельку выплеснула, а молока фунта не хватило: муж навесил 13 ф., а ты только 14! Что он мне теперь сделает!” На страстной неделе я купил у одной бабы 90 штук яиц и попросил ее при мне пересчитать их, чтобы видеть, как это она будет делать. Ей дали пустую корзину, но она попросила “еще какое ни есть суденышко”. “Это зачем?” — спрашиваю. “А нужно”, — говорит. Баба стала парами перекладывать яйца из своей корзины в мою, постоянно повторяя отсчитанное число пар, а когда насчитала их 5, т. е. десяток, из него взяла 1 яйцо и отложила в поставленное блюдо; насчитала еще 5 пар, опять отложила яйцо в блюдо и так отнимала от каждого десятка по яйцу и откладывала в блюдо; потом яйца в блюде пересчитала, указывая на каждое пальцем, и сказала: “Видишь, 9”. Мне хотелось заставить женщину высчитать стоимость 9 десятков по 8 коп. каждый, но этого она не в состоянии была сделать»¹⁶. «Из женщин редкие умеют пользоваться счетами»¹⁷.

«Деньги — бумажные, медные, серебряные и золотые — из мужчин почти все знают; что же касается женщин, то многие из них совсем почти не знают. Неграмотные ценность бумажных денег узнают по цвету, медных и серебряных — по величине монеты»¹⁸.

Итак, анализ операций с цифрами позволяет реконструировать когнитивные процессы. Неграмотные крестьяне, которых в 1897 г. в возрасте 10 лет и старше

¹³ РК. Т. 5, ч. 4. С. 406 (Тотемский у. Вологодской губ.).

¹⁴ РК. Т. 3. С. 516–517 (Мещовский у. Калужской губ.).

¹⁵ РК. Т. 7, ч. 1. С. 250 (Белозерский у. Новгородской губ.).

¹⁶ Там же. Ч. 3. С. 235 (Череповецкий у. Новгородской губ.).

¹⁷ РК. Т. 1. С. 438 (Зубцовский у. Тверской губ.).

¹⁸ РК. Т. 7, ч. 1. С. 184 (Белозерский у. Новгородской губ.).

было 78 % (в том числе 59 % мужского пола и 90 % женского)¹⁹, а также и малограмотные не способны были оперировать абстрактными цифрами, поэтому не занимались «умственными действиями над числами». При производстве сложения чисел они «всякому числу в уме, про себя, дают наименование копеек, а копейки превращают в пятаки, гривенники, двугривенные, четвертаки или полтинники, смотря по величине данных для сложения чисел, из оставшихся единиц опять делают пятаки и гривенники и присоединяют их к ранее полученным»²⁰. «Всякого рода счета ведут наглядно при помощи пальцев, если же при счете чего-либо придется пойти до такого числа, которого ему не одолеть, то в этих случаях идут за помощью к более сведущему или же полагаются на совесть платящего деньги»²¹.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что у огромного большинства крестьян в возрасте 10 лет и старше познавательные способности не достигли стадии формальных операций, следовательно, и *абстрактное мышление у них было развито слабо*. Поскольку по данным переписи 1897 г. среди представителей крестьянского сословия лишь 0,13 % мужчин и 0,07 % женщин учились в средних или высших учебных заведениях, в том числе проживавших в сельской местности соответственно 0,06 и 0,03 % (и не обязательно их закончили)²², только среди них и могли быть лица, владевшие формальными операциями. Собранные корреспондентами ЭБ сведения о том, как крестьяне измеряют расстояние, площадь, вес, объем и т. п., и как определяют время, такой вывод подтверждают.

Как измеряли

Землепашцы, как правило, не пользовались абстрактными мерами длины, площади, объема, веса или скорости:

«Большинство крестьян не знают квадратных и кубических мер. Когда нужно вычислить площадь, поля делятся сперва на мелкие участки одинаковой длины, а участки уж на узкие [одинаковые] полоски»²³.

«Пространство измеряется известной длины колом, разбитым по числу душ в селении, сажнями, шагами и ручкой у косы. Границы на полях определяются: огородами (т. е. изгородями), речками, лугами, межами; в лесах делают просеку в полторы сажени, затесывают пограничные деревья; часто и речки служат границей как в лесах, так и на открытых (не лесных) сенокосах, кроме того на границах сенокосов вбивают сваи около одного аршина через каждые десять сажен. Величину сжатого хлеба оценивают с помощью “суслона”, в котором было 12, 13, 14 и 18 снопов различно. Печеный хлеб измеряют

¹⁹ Миронов Б. Н. Грамотность сельского населения России в XIX — начала XX века // Аграрная эволюция России и США в XIX — начале XX века. Материалы советско-американских симпозиумов / ред. И. Д. Ковальченко, В. А. Тишков. М., 1991. С. 336–355; *Mironov B. N. The Development of Literacy in Russia and the USSR from the Tenth to the Twentieth Centuries // History of Education Quarterly*. 1991. Vol. 31, N 2. P. 229–252.

²⁰ РК. Т. 7, ч. 3. С. 326 (Череповецкий у. Новгородской губ.).

²¹ РК. Т. 3. С. 241 (Калужский у. Калужской губ.).

²² Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г.: в 2 т. СПб., 1905. Т. 1. С. 165–166, 206–207.

²³ РК. Т. 7, ч. 2. С. 251 (Череповецкий у. Новгородской губ.).

караваими — фунтов 10 или 12, в “ризнях” — ломтях, отрезанного во весь каравай, и “полурезках” — половинах ризня»²⁴.

«Казенных квадратных мер крестьяне нашей волости обыкновенно не знают и точного понятия или представления о них не имеют, а имеют свои обиходные житейские меры более конкретного характера и менее точные. Так, напр., площадь полевой пахотной земли определяется количеством мер посевного зерна, потребных для употребления на посев. То количество земли, которое можно засеять “осьминою” ржи (полчетверти) приблизительно соответствует половине десятины; 1/8 десятины определяется засевом одной “маленки” ржи (т. е. четверика) и т. д. Кубические меры не употребляются как абстрактные величины, используются специальные конкретные меры для каждого вещества. Например, сено, находящееся в стогах или в сеновале, меряется “возами”, дрова, уложенные в поленницы, меряются “батогам”. Песок, представляемый по подрядам на дорожные участки, меряется конусообразными грудями. Песок возят в ящиках разного объема, соображаясь с силой своей лошади; в такой ящик накладывается песку от 20 до 25 пуд. весом; грудя составляется из 10–12 ящичков. В постройках высота здания меряется рядами бревен, длина здания — длиной бревна. Каждый крестьянин постоянно и во всякое время может довольно точно и весьма скоро определить длину сажени. Делается это так: когда-нибудь увидевши и имея в своем распоряжении деревянную меру сажени, разделенной на аршины и вершки, он меряет ее, вытягивая над головой правую руку, и замечает, сколько вершков не хватает до сажени конца среднего на руке вытянутого пальца; это число вершков, недостающее до сажени, он запоминает и при каждом нужном случае может без наличности сажени определить длину ее таким способом. Нередко приходится крестьянам практиковаться с мерами длины в лесу при лесных вырубках. В таких случаях они прежде всего определяют высоту и толщину деревьев на корню глазомером; срубивши же дерево и прежде чем приготовить из него бревно, он определяет более точно длину бревна при помощи топорика, а именно: так как длинна топорика у его топора в точности известна, как смиренная дома, то, зная, сколько раз укладывается его топорик в одной сажени, он начинает отсчитывать им длину дерева, начиная с комля, и когда дойдет до требуемой длины (10 или 12 арш.), то делает на том месте зарубку и отрубает вершину дерева, получая бревно требуемой длины. Толщина дерева при этом меряется обухом топора, так как и ширина обуха также ему точно заранее известна в вершках. Аршины определяются четырьмя четвертями руки при вытянутых двух пальцах (большом и указательном)»²⁵.

«О десятине имеют понятие, но не твердое. Дрова считают не кубами, а возами. Длину и ширину постройки измеряют мерой, а считают “венцами”, т. е. бревнами»²⁶.

«Если продается или покупается, например, маленький кусок говядины, то последний не весят, а оценивают на глазомер. К весам и мерам казенным крестьяне только в очень важных случаях прибегают (напр., при покупке и продаже большого количества шерсти, кудели и т. п.), да таких мер и весов скоро и не отыскать, если в деревне не имеется мелочной лавки (а это явление обыкновенное у нас). В последнем случае крестьяне поступают тоже на глазомер, по своему соглашению. Из мер, кроме казенных, существуют и свои особенные, таковы: помытня, малёнка, лукошко, пестерюшка, цяшэцька (чаша, в которой катают хлебы), блютцё (блюдечко). Пуды и фунты не в ходу. О квадратной мере крестьяне имеют понятие, а о кубической не знают. Длина измеряется, помимо верст, са-

²⁴ РК. Т. 5, ч. 2. С. 502 (Кадниковский у. Вологодская губ.).

²⁵ Там же. С. 586–587 (Кадниковский у. Вологодская губ.).

²⁶ РК. Т. 3. С. 517 (Мещовский у. Калужской губ.).

жен и т. д., еще “гонами”, т. е. таким расстоянием, которое заключается между двумя смежными телеграфными столбами»²⁷.

Как определяли время и возраст

Время крестьяне определяли разными способами и тоже весьма ориентировочно. «Русский человек не любит определенного астрономического времяисчисления и охотнее означает разные времена года, дни и недели своими сельскими работами, церковными праздниками и постами», — заметил в 1863 г. известный российский этнограф Д. О. Шеппинг (1823–1895)²⁸. Через 35–40 лет эту особенность определения времени крестьянами повсеместно зафиксировали корреспонденты ЭБ²⁹: «Крестьяне не имеют надобности в распределении времени на числа, а довольствуются показаниями относительно времени самой природы или потребностью. Например, время вставания в летнюю рабочую пору, когда крестьянину требуется много длинного рабочего времени — это есть восход солнца, весной и осенью встают вообще с рассветом, а зимой встают “под утро” по петухам, а некоторые знают утреннее положение луны и звезд (последнее — очень редкие); полночь зимой определяется первым пеньем петуха, летом, в страдную пору, да и вообще обедают по мере того, как утомятся от работы»³⁰.

Время в течение суток определялось по солнцу, по приему пищи («по вытям»), по пенью петухов:

«По солнцу время определяется по месту положения тени и по величине ее. По местоположению время определяется преимущественно в домашнем обиходе, в своей избе. Крестьянин летом обыкновенно встает с восходом солнца и ложится спать вскоре после заката его; он подмечает, через которое из окон его избы падает на пол солнечный луч; затем по самому высокому положению солнца на небе он может всегда определить полдень и также замечает по месту падения солнечных лучей в избе полуденное время; затем на основании этих двух данных он может всегда приблизительно сказать, много ли прошло времени с солнца восхода, и сколько осталось до полудня; определяется это местом нахождения падающих лучей от этих двух пунктов, также определяется время и от полдня до заката. На воле вне своего дома крестьянин определяет время двояко: или положением солнца на небе, или длиной тени. Последний способ заключается в следующем: крестьянин знает, что во время полдня бывает самая короткая тень (длина тени от предмета в это время точно соответствует длине того самого предмета, от которого падает данная тень)

²⁷ РК. Т. 5, ч. 4. С. 407 (Тотемский у. Вологодской губ.). — Кроме приведенных сведения о процедуре измерения сообщили другие корреспонденты ЭБ, указанные в сн. 9.

²⁸ Шеппинг Д. О. Сказание, ким святым каковыя благодати от Бога даны // Русский архив. Вып. 12. М., 1863. С. 947.

²⁹ РК. Т. 1. С. 242 (Галичский у.), с. 288 (Макарьевский у.), 329 Солигаличский у. Костромской губ.), 445 (Зубцовский у. Тверской губ.); РК. Т. 2, ч. 1. С. 303–304 (Пошехонский у.); ч. 2. С. 316 (Ростовский у. Ярославской губ.); РК. Т. 3. С. 46 (Жиздринский у.), с. 277 (Калужский у. Калужской губ.); РК. Т. 5, ч. 2. С. 259–260 (Грязовецкий у.), с. 587, 662 (Кадниковский у.); ч. 3. С. 96, 196, 387 (Никольский у.); ч. 4. С. 173, 407 (Тотемский у.), 468–469, 481–482 (Устьсысольский у. Вологодская губ.); РК. Т. 6. С. 143–144 (Вытегорский у. Олонецкой губ.), 434 (Одоевский у. Тульская губ.); РК. Т. 7, ч. 1. С. 184 (Белозерский у. Новгородской губ.); ч. 3. С. 240 (Череповецкий у. Новгородской губ.); ч. 4. С. 157 (Тихвинский у. Новгородской губ.); Фирсов Б. М., Киселева И. Г. Быт великорусских крестьян-землепашцев... С. 172–174 (Меленковский, Шуйский уу. Владимирской губ.).

³⁰ РК. Т. 5, ч. 4. С. 173 (Тотемский у. Вологодской губ.).

и, затем, чем больше проходит времени от полдня до заката, тем тени начинают все более и более удлиняться, и, наконец, при закате солнечном тени принимают самые длинные почти фантастические размеры. Для определения времени от полдня до солнечного заката определяют число шагов своей собственной тени от полдня до конца тени во время заката, а затем это число делят на 9; если длина тени 9 шагов, то число часов будет определяться числом шагов в данный час; напр., в 2 часа длина тени будет на 2 шага больше длины собственного роста, в 5 часов — на 5 шагов и т. д. Счет по приему пищи, или по вытям, осуществляется следующим образом. Летом бывает 4 выти — завтрак, обед, полдник и ужин, зимой — 3 выти, без полдника. Летом завтракают после пробуждения от сна, с восходом солнца, обедают в полдень; полдник — в 4 часа, и ужин — около заката. 2 часа до обеда соответствует 10 часам утра; час до полдника — 3 часам по полудни и т. д. На работе время приема пищи определяется либо по положению солнца на небе, либо по степени усталости и аппетита»³¹.

«В массе крестьяне не использовали гражданский календарь. Так, они не знали, что Дионисьев день бывает 1 июня, но точно знали, что к этому дню оканчивалась распашка новины. Они знали также, что от Дионисьева дня до Петрова дня (29 июня) 4 недели и что ровно 4 недели от Петрова дня до Ильина дня (20 июля), и т. д. Основные праздники и промежутки между ними в днях или неделях известны многим даже и неграмотным. Лишь «грамотные и более или менее начитанные могли знать названия месяцев и дни праздников (Новый год — 1 января, Первый Спас — 1 августа, Покров Пресвятой Богородицы — 1 октября, Кузьмин день — 1 ноября и т. д.) и потому, когда говорили, например, «неделя до Покрова», понимали, что речь идет о неделе перед 1 октября». У неграмотных Покров ассоциировался с окончанием сельскохозяйственных работ, с подготовкой к зиме, с девичьими посиделками. Таким образом, «каждый данный момент приблизительно определялся по числу недель или дней до одного из ближайших и всем известных в деревне праздников, с которыми обычно связывались сельскохозяйственные работы, обычные в то время»³².

«Точного определения времени нет в домашнем обиходе, где не имеется часов. Встают летом «до солнца» и зимою «чуть ли не с петухов», т. е. еще темно. Бабы зимою действительно встают «с петухов», в полночь, чтобы пряхь, зато ложатся, как смеркнется. Немногие мужчины знают названия месяцев, а бабы не знают совсем месяцев, не имеют понятия и о числах месяца. Время определяется по важным праздникам и неделями до ближайшего из них»³³.

«В своем домашнем обиходе крестьяне определяют время днем по солнцу, а ночью по пению петуха. Перед наступлением дня петух поет трижды: первый раз в самую полночь, второй раз — спустя несколько времени, и третий раз — на рассвете дня. Время вставания всегда соотносится с пением петуха; встают, смотря по надобности, или до вторых или третьих петухов. Время обеда определяют по солнцу, но вообще время обеда, ужина, отдыха определяется привычкою. Время назначают для более отдаленных действий по праздникам, а не по гражданскому календарю. Так, например, работников нанимают с Пасхи до Заговенья (Филиппова — 14-го ноября) или с вешняго Николая до зимняго Егорья (26-го ноября). Главный сев яровых начинается с вешняго Егорья (23-го апреля) и продолжается до Николы; посадка капусты — около Кирилловой години (9-го июня). Сенокос начинается с Петрова дня (29-го июня), жнитво — с Ильина дня (20-го июля),

³¹ РК. Т. 5, ч. 2. С. 587 (Кадниковский у. Вологодской губ.).

³² Там же. С. 588 (Кадниковский у. Вологодской губ.).

³³ РК. Т. 3. С. 517 (Мещовский у. Калужской губ.).

посев ржи — с первого Спаса до Успенья (с 1-го августа по 19 августа). Некоторые работы сообразуют с переменами в окружающей природе, сообразно времени года. Так, постройки возводят чаще всего в Петровки, пока не начали косить и когда пахать бывает невозможно по случаю жаров и оводов; а внутри отделяют постройки чаще осенью, когда молоченье кончено и не установилась еще зимняя дорога»³⁴.

«Для более отдаленных действий, напр., найма в работу, ссылаются на праздники; так напр., нанимаются работники и работницы по большей части с Бориса и Глеба, (весеннего, 2 мая) до Покрова, или с Пасхи до Казанской (22 октября); зимою поряжаются от Козьмы и Демьяна до Борисова дня и т. д. Уплата податей рассрочена по числам 4 раза в год, а именно: 15 марта, 15 июня, 15 сентября и 15 ноября. На праздники ориентируются и при проведении работ, с учетом погоды. Например, с Пасхи начинать пашню и сев (если Пасха поздняя), с Иванова дня (24 июня) сенокос, но “смотря по траве” с Ильина дня жниво озимого хлеба и т. д.»³⁵.

«Днем крестьяне время определяют по солнцу, а ночью по “петухам” (по их пению). Назначая время вставания, обеда, ужина, работы, отдыха, мужички сообразуются с количеством всей работы. Летом в жаркий сенокосный день редко, если не совсем, можно видеть крестьянина отдыхающим, а зимой, которая у нас называется “медвежьей спячкой”, мужик “лежит на полатах и ноги в потолок”. Для более отдаленных действий, напр., для найма пастухов, работников, для уплаты податей, окончания и начала сенокоса, посева, жнивы и т. п. крестьяне не гражданского календаря придерживаются, но большей частью, если не всегда, общеизвестных в деревне праздников»³⁶.

«Большинство крестьян для определения времени в своем домашнем обиходе руководствуется разными приметам. Кузнец встает и идет в кузницу, когда первые петухи пропоют. Первые петухи, т. е. их ку-ка-ре-ку соответствуют полуночи, вторые петухи — часу ночи, третьи — двум часам и т. д. Хозяйка встает зимою печь топить как четвертые или пятые петухи пропоют. В ясную и лунную ночь все почти крестьяне определяют время по положению луны на небе и созвездия, называемого у нас семерик — семь звезд в одной группе»³⁷.

Но по звездам время определяется не везде:

«Петухи поют в разное время, поэтому определение времени приблизительно: по моему наблюдению, в теплую погоду в первый раз петухи поют иногда около 11 ч., а в сильный мороз — часа на 1,5 позже. “Вторые петухи” поют приблизительно через час после первых. Часто станут петь петухи перед утром (часов 5-6 утра). Соображаются с временем по луне, но по звездам никто из крестьян определять время не умеет»³⁸.

Время, затрачиваемое на дорогу, оценивается ориентировочно. «Если крестьянин посылает кого-нибудь в другую деревню, то он приблизительно знает, когда должен посланный вернуться. Время, употребленное на ходьбу взад и вперед, он рассчитывает так, чтобы на каждый час ходьбы приходилось 4 версты расстояния.

³⁴ РК. Т. 7, ч. 1. С. 184 (Белозерский у. Новгородской губ.).

³⁵ Там же. Ч. 2. С. 528 (Череповецкий у. Новгородской губ.).

³⁶ РК. Т. 5, ч. 4. С. 407 (Тотемский у. Вологодской губ.).

³⁷ РК. Т. 7, ч. 2. С. 251 (Череповецкий у. Новгородской губ.).

³⁸ Там же. Ч. 3. С. 241 (Череповецкий у. Новгородской губ.).

К этому он прибавляет еще сколько, по его расчету, посланный должен прибыть на место»³⁹.

В конце XIX в. в деревню из города пришли часы, но в большей степени ради показного потребления. «По часам определяют время только хвастуны, да и то при многолюдном собрании, желая заявить соседям, что у них есть часы. “Около паужина (полдника. — Б. М.), уж шестой час шел, — говорит хвастун, да еще прибавит, — я нарочно на часы глянул”. Крестьяне, желая знать время по часам, спрашивают: “Который час?” и вполне довольствуются неопределенным ответом: “Третий или четвертый”, а 2 минуты третьего или 52 — это не поинтересуются узнать. Кстати, крестьяне никогда не спросят: “Сколько часов?”, потому что такую форму вопроса высмеивают, обыкновенно отвечают: “Одни”»⁴⁰. «Серебряные часы (карманные) покупаются отцом и сыном вместе. Первый пользуется ими только для справок дома о времени, а второй пользуется во всех остальных случаях — для украшения»⁴¹.

«Те крестьяне, у которых есть часы, в общем, понимают их устройство. Есть даже такие, что умеют сделать небольшую починку в дешевеньких стенных часах. Но у тех, кто не имеет часов, сведения об устройстве механизма крайне скудны. Знают, что в часах есть колесики, они так-то цепляются друг за друга, а там, Бог их знает, что такое делается. Значение маятника и совсем не понимают; а кукушка, выскакивающая при отбивании, положительно “хитрая штука”. По словам одного старика, это нечистая сила качает маятник и выскакивает в виде кукушки или солдата с ружьем. В часах черти сидят; они уцепляются друг за дружку рожками, а хвостиком и двигают стрелки и маятник. Уж такой народ ныне стал: и нечистую силу заставили помогать себе. Правда, и раньше это бывало; но тогда нечистую силу покоряли постом и молитвою, например, Иоанн архиепископ Новгородский зааминил (вероятно, от слова «аминь». — Б. М.) беса в рукомойник и заставил его свозить себя в Иерусалим между утреней и обедней, а теперь просто дружат с чертом и продают свою душу за разные потешки на этом свете. К таким дьявольским потешкам, по словам старика, относятся и часы. Но подобный взгляд на устройство часов и других хитрых предметов, уже почти отживший»⁴². «У многих есть часы, маленькие стенные за рубль, с самым простым механизмом. К часам строго-настрога запрещают подходить детям, чтобы не испортили; бабы сами не дотрагиваются до часов. Устройства часов не знают»⁴³.

Несмотря на распространение часов, «большинство крестьян для определения времени в своем домашнем обиходе руководствуется разными приметами»⁴⁴. Нередко часы заменяют им петушиный крик, поэтому любят часы с боем: «Крестьяне любят покупать часы получше и непременно с боем: “Без боя скучно”, — говорят»⁴⁵. Использование часов позволяет определять время более точно, но все же ориентировочно. «В последнее время изредка появляются дешевые стенные часы, которые служат плохим показателем времени, так как ни обращаться с ними надлежащим

³⁹ Там же. Ч. 2. С. 251 (Череповецкий у. Новгородской губ.).

⁴⁰ Там же. Ч. 3. С. 240 (Череповецкий у. Новгородской губ.).

⁴¹ РК. Т. 5, ч. 1. С. 263 (Вологодский у. Вологодской губ.).

⁴² РК. Т. 7, ч. 2. С. 251 (Череповецкий у. Новгородской губ.).

⁴³ РК. Т. 3. С. 517 (Мещовский у. Калужской губ.).

⁴⁴ РК. Т. 7, ч. 2. С. 251 (Череповецкий у. Новгородской губ.).

⁴⁵ Там же. С. 528 (Череповецкий у. Новгородской губ.).

образом не умеют, ни поставить верно и вовремя; проверяются они только по полуденному солнцу, определение которого далеко не точно»⁴⁶. Один корреспондент верно, на мой взгляд, определил причину равнодушного отношения крестьян к точности времени: «Вообще, народ мало заботится о точном обозначении времени, мало заботится о сохранении его, за исключением страдной поры, что подтверждается поговорками: “Русский час долог”, “У Бога дней не в решетке”»⁴⁷. У земледельцев потребность в точной оценке времени отсутствовала; для бытовых нужд вполне достаточно было знать время приблизительно.

Соответственно и возраст людей определялся приблизительно, по праздникам и важным событиям. «Крестьяне в большинстве случаев в точности не знают, сколько лет ему или кому-нибудь из домашних или знакомых его, а знают, что ему сколько-то лет на третий или на четвертый десяток, причем он знает также, “перевалило” ли ему или не перевалило еще до полудесятка. В таких случаях, если ему приходится иметь дело с одним из крестьян своей или соседней деревни, то спрашиваемый о возрасте или говорит, что ровесник ему какой-нибудь Иван или Семен, или же говорит, давно ли его возили к призыву в воинское присутствие, и года его определяются путем разных расчетов и соображений». Аналогично определяется и возраст домашнего скота: «У лошади определяются года так: по первому году — сосун; по второму — стрижок; по третьему — гуляк; про молодых лошадей иногда говорят, что такая-то лошадь ест первую траву, это значит, что ей 2 года, ест вторую траву, стало быть, ей 3 года и т. д.»⁴⁸.

Незнание точного возраста создавало проблемы при переписях населения. Отвечая на вопрос переписчика о возрасте, крестьяне отдавали предпочтение «круглым» цифрам, оканчивавшихся на 5 и особенно на 0. Вследствие этого «круглые» возрасты как бы аккумулировали население соседних возрастов. Для измерения степени аккумуляции на 0 и 5 демографы используют специальные коэффициенты. При отсутствии возрастной аккумуляции, т. е. при правильном распределении населения по возрастным группам, коэффициент равен 100; чем больше он отклоняется от 100 в ту или иную сторону, тем сильнее искажается возраст. Если коэффициент более 100, то данный возраст аккумулирует лиц других возрастов, если, наоборот, меньше 100, то отдает лиц данного возраста в другие возрастные группы. По переписи 1897 г. коэффициент аккумуляции равнялся у женщин 199, мужчин — 169, в среднем — 175, при переписи в 1926 г. — соответственно 171, 141 и 159, в 1959 г. для обоих полов — 109, в 1970 и 1979 гг. — 101. Перепись 1897 г. зафиксировала 15 169 человек в возрасте 100–109 лет и 488 старше 109 лет, а всего доля лиц в возрасте 80 лет и старше составляла 0,7 %, намного больше, чем в любой западноевропейской стране. В 1898 г. Центральный статистический комитет направил циркулярное распоряжение губернаторам с указанием выяснить условия жизни и достоверность возраста столетних граждан по метрическим книгам или исповедным росписям. Проверка показала, что возраст по документам был меньше. Например, в Новгородской губернии не нашел подтверждения ни один случай. Причем расхождения оказались значительными. Одному крестьянину был 91 год

⁴⁶ РК. Т. 5, ч. 4. С. 173 (Тотемский у. Вологодской губ.).

⁴⁷ РК. Т. 7, ч. 3. С. 240 (Череповецкий у. Новгородской губ.).

⁴⁸ РК. Т. 5, ч. 2. С. 588 (Кадниковский у. Вологодской губ.).

вместо 100, одна крестьянка оказалась в возрасте 84 лет вместо 100, другая — 79 лет вместо 100 и т. д.

Во время ревизий XVIII — первой половины XIX в. возрастная аккумуляция ввиду более низкой грамотности была еще выше. Например, у крестьян Двинского уезда Архангельской губернии в 1710 г. она равнялась 883 у мужчин и 1518 у женщин, к 1782 г. она заметно понизилась — соответственно до 139 и 262, что было в значительной степени связано с тем, что переписчики называемый при опросах возраст стали сверять с данными предыдущей ревизии. Чем ниже была грамотность, тем выше была аккумуляция. Во время первой ревизии 1719 г. у московских посадских, наиболее грамотной социальной группы податного населения, возрастная аккумуляция составляла 197, у иногородних — 289; в последующем она у тех и других уменьшалась и в X ревизию 1857 г. снизилась соответственно до 160 и 133. В пореформенный период она продолжала уменьшаться, однако до 1897 г. коэффициент аккумуляции для массы православных земледельцев не снижался ниже 199 для мужчин и 169 для женщин. В западноевропейских странах благодаря более высокому уровню образования возрастная аккумуляция уже в начале XX в. была минимальной — 101–104⁴⁹. В настоящее время в западной историографии уровень возрастной аккумуляции рассматривается как показатель культурного развития населения⁵⁰.

Восприятие абстрактных понятий и изображений

Неразвитость абстрактного концептуального, или словесно-логического, мышления, осуществляемого посредством логических операций с понятиями, проявлялась также в том, что язык крестьян тяготел к конкретным, детализированным, единичным определениям. В Программе вопрос № 246 о языке крестьян включал подвопрос: «Указать на выражения, которые употребляют для обобщений, например, чтобы придать многим предметам общий признак или подвести сходные в чем-либо поступки под общее правило». Корреспонденты в своих ответах таких обобщающих слов не привели⁵¹. Зато они единодушно засвидетельствовали, что в каждой местности бытует значительное число специфических слов, не известных в других местах, обозначающих сугубо конкретные предметы, действия, явления

⁴⁹ Миронов Б. Н. Новая историческая демография имперской России: аналитический обзор современной историографии (часть 1) // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2006. Вып. 4. С. 62–90.

⁵⁰ A'Hearn B., Baten J., Crayen D. Quantifying Quantitative Literacy: Age Heaping and the History of Human Capital // Journal of Economic History. 2009. Vol. 69. P. 783–808.

⁵¹ РК. Т. 1. С. 67 (Варнавинский у. Костромской губ.), 410 (Вышневолоцкий у.), 516 (Тверской у. Тверской губ.); РК. Т. 2, ч. 1. С. 249, 576 (Пошехонский у.); ч. 2. С. 86 (Даниловский, Любимский, Романово-Борисоглебский уу.), 229 (Ростовский у. Ярославской губ.); Т. 3. С. 576, 580 (Тарусский у. Калужской губ.); Т. 4. С. 247 (Лукояновский у. Нижегородской губ.); РК. Т. 5, ч. 1. С. 37 (Вельский у.), 259, 354, 596 (Вологодский у.); ч. 2. С. 32, 83, 244, 348 (Грязовецкий у.), 640, 662, 757 (Кадниковский у.); ч. 3. С. 23, 93, 188, 228, 248, 384, 385 (Никольский у.), 440, 489 (Сольвычегодский у.); ч. 4. С. 48, 110–112, 165, 287, 380 (Тотемский у.), 546 (Яренский у. Вологодской губ.); РК. Т. 6. С. 43 (Обоянский у. Курской губ.), 142 (Вытегорский у. Олонецкой губ.), 219 (Новоржевский у.), 297 (Порховский у. Псковской губ.), 338 (Новоладожский у., Санкт-Петербургской губ.); РК. Т. 7, ч. 1. С. 99, 173 (Белозерский у.), 343 (Боровичский у.); ч. 2. С. 201 (Череповецкий у.); ч. 3. С. 226, 502 (Череповецкий у.); ч. 4. С. 30, 89, 152 (Тихвинский у. Новгородской губ.).

или ситуации: адина (жадный человек), кацюля (качаться), кирилсить (худо петь за богослужением), намаазать (обмануть), шаль (даровщина)⁵². «Язык тиксенских крестьян не отличается особенно большим запасом слов сравнительно с местами, расположенными вблизи городов, но в то же время очень гибок». «В языке наших крестьян почти совсем не встречается иностранных слов»⁵³.

Неразвитостью концептуального мышления объясняется непонимание крестьянами духовных книг. «Книги на славянском наречии признаются “божественными”, но их не каждый может читать, да и понимать их труднее. Свободно читают и хорошо понимают книги на славянском языке заправские чтецы и грамотеи. Для обыкновенных слушателей этих книг — стариков и старух — не только целые обороты и предложения, но и многие отдельные слова совершенно не понятны, а потому чтецу часто приходится останавливаться для объяснения их»⁵⁴. «Крестьяне рады бывают послушать “слова Божья”, но, имея малое умственное развитие, не понимают прочитанного, и потому у них скоро теряется охота слушать; иные, не теряя терпения, слушают, дожидаясь более понятного места, а другие скоро уходят “побалаять” о своих житейских делах с соседом»⁵⁵.

В языке крестьян, сравнительно с языком образованных людей, действительно было мало понятий высшего уровня, оторванных от конкретики. Показателем в этом плане очерк известного писателя-этнографа П. И. Якушкина (1822–1872) «Велик Бог Земли русской!» (1863 г.). В его основе лежали личные наблюдения автора, вынесенные им в ходе странствий по России в 1861 г. Он пешком в крестьянской одежде обошел десятки селений в нескольких губерниях, общался с народом и из первых рук получал сведения о толках и слухах, распространившихся среди крестьян после оглашения Манифеста об отмене крепостного права и Положения о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. Крестьянские грамотеи давали специфическое толкование многих его положений в свою пользу и в ущерб помещикам, что послужило причиной крестьянских волнений, крупнейшим из которых стало Бездненское. Помещичий крестьянин с. Бездны Спасского уезда Казанской губернии Антон Петров, по словам усмирителя волнений генерала Апраксина, «сделался каким-то пророком, возбудил даже фанатизм, увлекая крестьян своими рассказами, сообразуясь с господствующею в умах их идеею и понятиями о воле, подкрепляя все доводы именем вашего величества и всемогущего Бога, даровавшего ему право объявлять крестьянам свободу и избавление от помещиков»⁵⁶. Якушкин обстоятельно рассказал, как крестьяне специфически толковали положения «Манифеста» и какие последствия это имело.

Большую часть толки крестьян вращались вокруг того, кому будет принадлежать земля. В конце «Манифеста» была высокопарная фраза: «Пусть они (земледельцы. — Б. М.) тщательно возделывают землю и собирают плоды ее, чтобы потом из хорошо наполненной житницы взять семена для посева на земле постоянного пользования или на земле, приобретенной в собственность». Крестьяне толкова-

⁵² РК. Т. 5, ч. 4. С. 381–389 (Тотемский у. Вологодской губ.).

⁵³ Там же. С. 380, 389 (Тотемский у. Вологодской губ.).

⁵⁴ РК. Т. 7, ч. 2. С. 243 (Череповецкий у. Новгородской губ.).

⁵⁵ РК. Т. 5, ч. 1. С. 184 (Вологодский у. Вологодской губ.).

⁵⁶ Рапорт свитского генерал-майора А. С. Апраксина Александру II о волнениях крестьян в Спасском у. и о расстреле их в с. Бездне 16 апреля 1861 г. // Крестьянское движение в России в 1857 — мае 1861 гг. Сб. документов / ред. С. Б. Окунь, К. В. Сивков. М., 1963. С. 350–355.

ли ее следующим образом. «Плоды — в садах, а сады-то барские, а как плоды — нам, стало, и сады к нам отойдут». Хорошо наполненные житницы имеются только у помещиков, а у крестьян — «анбаришки». Значит, в Манифесте речь идет о том, что помещичьи житницы переходят крестьянам. Соответственно последняя часть предложения «семена для посева на земле постоянного пользования или на земле, приобретенной в собственность» толковалась так: «Постоянно ты (крестьянин. — Б. М.) землей пользуйся, а коли хочешь, купи. Только для чего же я покупать стану землю, коли и так можно ее пахать?» Заканчивался Манифест словами: «Осени себя крестным знаменем, православный народ, и призови с Нами Божие благословение на твой свободный труд, залог твоего домашнего благополучия и блага общественного». Крестьяне истолковали призыв так: «Перекрестись — и только! — и пошел сейчас свободный труд!» Поскольку «все, что напечатано, считается крестьянами непреложной истиной»⁵⁷, то они решили, что их толкование и есть царская воля, которой они должны непреложно следовать⁵⁸.

Не сбрасывая со счетов когнитивный диссонанс и притворное непонимание, ложное толкование Манифеста было следствием преимущественно того, что крестьяне все его слова с иносказательным обобщающим смыслом — «плоды», «житницы» и др. — понимали буквально и конкретно, в тесной увязке со своими крестьянскими практиками. Характерно, что Безденский инцидент был одним из многих. «Я бы не стал рассказывать этого случая, — пишет Якушкин, — если бы он был редким исключением; но, к несчастью, воля была прочитана почти повсеместно таким образом... Чиновникам и помещикам крестьяне не верили; поневоле им пришлось нанимать выгнанных дьячков, подьячих, да промотавшихся помещиков. И должно сказать правду: эти люди читали волю добросовестно; желание ли добра крестьянам, боязнь ли страшной ответственности за ложное толкование, то ли и другое вместе действовало на чтецов, но я не встречал ни одного умышленного толкователя из этих грамотеев-чтецов; да из чтецов вообще было мало и толкователей: все боялись ошибиться, а ошибиться было легко! Многих из этих чтецов ловила полиция, но, кажется, ни одного, кроме известного Антона Петрова, не нашли виновным»⁵⁹. Отсюда следует, что причина неадекватного толкования Манифеста крестьянами заключалась в том, что крестьяне по-иному и по-своему понимали его текст, а не в том, что им искаженно его читали.

Приведу второй типичный пример предметно-действенного мышления неграмотного человека. В XVIII в. в российской армии при обучении новобранцев выяснилось, что они плохо выполняли команды «Налево!», «Направо!» или «Кругом!». Чтобы помочь солдату выполнять команды, к одной его ноге привязывали пучок сена, к другой — пучок соломы. Непонимание команд обычно объясняется темнотой рекрутов, в большинстве неграмотных крестьян, которые в повседневной жизни такие команды не использовали. Например, поэт А. А. Фет, поступивший на службу в 1845 г., вспоминал: «Вместе со мной учились пешему фронту пять или шесть новобранцев. Тут я мог убедиться в подспорье, предъявляемом даже в телесном упражнении известным умственным развитием. Видно было, каких усилий стоило рекрутам правильно делать по команде поворот. Рассказывали, будто в не-

⁵⁷ РК. Т. 2, ч. 1. С. 295 (Пошехонский у., Ярославской губ.).

⁵⁸ Якушкин П. И. Велик Бог Земли русской! // Русские очерки. Т. 2. Л., 1956. С. 129–130.

⁵⁹ Там же. С. 127.

давнем прошлом для укрепления в памяти противоположности правого левому новобранцем привязывали к одной ноге сено, а к другой солому. До этого не доходило на наших учениях, не лишенных, впрочем, трагизма»⁶⁰.

На самом деле проблема сложнее. Крестьянин знал слова «правый» и «левый». Но, во-первых, всегда в привязке их к конкретным предметам и действиям. «Правая рука, лево сердце», — говорили, давая руку при свидании. «На правую руку, на левую сторону». «Держи лево, левее, в левую сторону». Во-вторых, слова «правый» и «левый» имели в его языковой практике второе значение: правильный и неправильный, прямой и кривой, истинный и ложный. Право ходить — душой не кривить⁶¹. Отсюда пословицы: «На суде Божьем право пойдет направо, а криво налево. Говорит направо, а глядит налево. Не плюй направо — там ангел-хранитель, плюй налево — там диавол». Естественно, слушая поначалу абстрактные команды, оторванные от конкретных предметов и действий, он затруднялся их выполнять. Но со временем усваивал и действовал в соответствии с ними.

Характерно, что картинки и фотографии плохо воспринимались крестьянами потому, что являлись, по сути, схемами, абстракциями, лишенными натурального цвета, запаха и вкуса. Для их восприятия требуется изменение привычного взгляда на внешний мир, развитие восприятия и абстрактного мышления. Е. А. Андреева-Бальмонт (1867–1950), переводчица, жена поэта К. Д. Бальмонта, родственница известных московских издателей Сабашниковых, происходила из богатой купеческой семьи и отличалась редкой образованностью. Во второй половине 1880-х годов она работала библиотекарем в московских воскресных школах для работниц, недавно пришедших из деревни, и заметила много «странного» в их восприятии: ученицы не узнавали на картинках элементы знакомого мира, самих себя, не различали оттенков красок. «Наши ученицы, все взрослые, не понимали, что изображено на самых простых картинках в книге. Например, стоит мальчик на углу улицы под уличным фонарем, около него собака. В такой картинке ничего, казалось, не было незнакомого — наши ученицы, особенно молоденькие, родились и выросли в Москве и каждый день на улице могли видеть мальчика с собакой, но ни одна из них не могла рассказать, что изображено на такой картинке. “Видите мальчика? Собаку?” — спрашивала я их. Они вертели картинку в руках и молчали. “Вот собака”, — показывала я пальцем на нее. Тогда кто-нибудь восклицал с удивлением: “Никак и впрямь песик, ну скажи, пожалуйста, песик и есть...”. И книга шла по рукам, и собаку на картинке узнавали. Когда мы показывали ученицам картину в волшебном фонаре (аппарат для проекции изображений. — Б. М.), ни одна не могла сказать без помощи учительницы, что она изображает. Они еле-еле различали на ней человеческую фигуру, в пейзаже не видели деревьев или воду. Когда им объясняли, что представлено на картине, они отворачивались от картины и, смотря в рот учительнице, слушали ее. <...> Так им пришлось, как малым детям, показывать “Лес” Шишкина. “Да где лес-то?” — спрашивали они. “А вот деревья, — говорила я, — сосны, вы же знаете, какие деревья бывают: ели, березы”. — “Что знать-то! дерево и дерево... а еще пеньки”. Это все, что они отвечали. Медвежат никто не рассмотрел. <...> И тут я сделала еще одно открытие: большинство наших учениц

⁶⁰ Фет А. А. Воспоминания. М., 1983. С. 188–189.

⁶¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1955. Т. 2. С. 277; т. 3. С. 377–381.

не различали оттенки красок, они знали только название черной, белой, красной, синей — и все. <...> Когда я рассказала об этом в нашем кружке, оказалось, что многие учительницы знали о таких случаях из своего опыта. Одна кормилица, попавшая в Москву из глухой деревни, не могла привыкнуть к большому зеркалу, вставленному в стену, она хотела пройти через него, принимая свое отражение за женщину, которая шла к ней навстречу в таком же сарафане и кокошнике, как она. Другая, когда ее сняли в фотографии со своим сыном, не понимала, что это она на карточке, и не различала своего ребенка у себя на руках»⁶². «Писатель А. И. Эртель, присутствовавший при этом разговоре, рассказал случай, бывший при нем в деревне. Хозяин конского завода показал дагерротипный снимок с лошади, взявшей приз на скачках, ее наезднику. Наездник повертел фотографию в руках, положил ее на стол. “То наша Красавица, узнал? — спросил хозяин. — Возьми эту карточку себе, я тебе ее дарю, повесь у себя в конюшне”, — прибавил он на недоуменный взгляд наездника. “Покорно благодарим”, — сказал наездник, взяв карточку и рассматривая ее. “Похожа?” — спросил хозяин. “Очень схожа, как две капли воды ваша покойная бабинька”, — ответил наездник, взглянув на висевший на стене портрет масляными красками, который, он знал, изображал бабушку хозяина»⁶³.

По свидетельству учителей, в конце XIX — начале XX в. дети, поступавшие в школу, не знали «элементарных вещей»: две трети могли сообщить только свое уменьшительное имя, а не крещеное; фамилий не знал почти никто, а многие не знали имен своих отцов, матерей, деда и бабушки, не знали правой и левой руки, не определяли, где верх, а где низ. Бог для них был равнозначен иконе, вместо молитв бессмысленно бормотали: «Господи сусе». Не умели перекреститься, не могли сосчитать пальцев на руке⁶⁴. Выше было показано, как корреспонденты ЭБ объяснили эти «странности». Добавлю еще два наблюдения. «Некоторые матери, у которых много детей, нередко забывают имена их: однажды в с. Колягине мать принесла грудного ребенка в церковь причащать его, когда священник спросил, как зовут ребенка, она растерялась и чуть не с плачем вскрикнула: “Батюшка, захлестнуло, хоть убей, не помню. Больно много их у меня”»⁶⁵. «Как только ребенок начинает выговаривать слова, то в большинстве случаев, его начинают уже приучать молиться, в некоторых семьях нередко можно видеть ребенка, который еще и говорить-то путем не умеет, но уже лепечет молитву, крестится и кланяется в ноги, хотя, видимо, и не понимает, кому, так как кланяется и крестится иногда перед дверью, иногда перед человеком. Вследствие того, что детей приучают так рано читать молитвы, большинство чрезвычайно перевирает молитвы, не понимая их значения и смысла, например, “и земля вертеп неприступному приносит” — “и земля вертеп преступному приносит”. — Один мальчик при поступлении школы стал читать вме-

⁶² Андреева-Балмонт Е. А. Воспоминания / ред. А. Л. Панина (ред.); подг. текста, предисл., примеч. А. Л. Паниной, Л. Ю. Шульман. М., 1996. С. 231–232.

⁶³ Там же. С. 232.

⁶⁴ Сельская воскресная школа // Народное образование. 1902. № 7/8. С. 25–29; Беляев В. Наблюдения и заметки // Русский начальный учитель. 1892. № 3. Приложения. С. 20; Н. С. Попечители моей школы // Там же. 1906. № 7/8. Отд. II. С. 175; Мечев Г. Прежде и теперь // Народное образование. 1902. № 10. С. 286–290. Цит. по: Романов А. П. Повседневная жизнь русского сельского учителя конца XIX — начала XX в. // Социальная история: ежегодник. 2011 / ред. Н. Л. Пушкарева. СПб., 2012. С. 156–184, 173–174.

⁶⁵ РК. Т. 2, ч. 2. С. 367 (Ростовский у. Ярославской губ.).

сто слов “на соблюдение данный мне” — прочитал “на заблуждение данный мне”. Такие искажения молитв среди детей встречаются здесь чрезвычайно часто. Нередко даже взрослые, не обучившиеся в школе, допускают такие искажения: одна, например, женщина, обращаясь к Богородице, молилась так: “Мать Пресвятая Богородица — Антония”, — другая женщина при обращении к Богородице произнесла: “Мать Пресвятая Богородица — Варвара Великомученица”. В церковь детей начинают водить лет с 6-7-ми, исповедоваться начинают дети обыкновенно с 8-милетнего возраста⁶⁶. Это свидетельствует о том, что молитвы запоминались детьми, да и взрослыми со слуха и механически, часто без понимания их значения. Требовались немалые усилия священников, чтобы донести их истинный смысл до крестьян.

Симпрактичность мышления

Мышление крестьянин на рубеже веков было симпрактическим — практически-действенным, конкретным, ситуативным, непосредственно связанным с ощущениями и действиями⁶⁷. Некоторые антропологи называют его мифологическим или дологическим (Леви-Брюль). Понятие «симпрактичность» было введено в научный оборот В. Н. Романовым. Он выделил два типа культуры: симпрактический, существующий в традиционных обществах, который предполагает передачу информации посредством «предметных схем действий» (например, знание о том, как необходимо копать лопатой или плести корзины, передается непосредственным примером), и теоретический, развившийся в письменных модернистских обществах, при котором выделяется отдельный канал для передачи информации, отстроенный от непосредственной деятельности⁶⁸.

Симпрактическое мышление представляет собой практический анализ и синтез; обобщает без отрыва от конкретного, без выхода за пределы непосредственной информации. Анализ совершается не с помощью дискурсивного рассуждения, а в ходе бессознательно-чувственного или чувственно-интуитивного постижения практического смысла фактов и явлений, редко выходящих за границы личного опыта. Абстрактное мышление слабо развито, индивид может оперировать информацией, почерпнутой почти исключительно из своего жизненного опыта и в рамках этого опыта. Человек с таким мышлением затрудняется решить силлогизм: смертен ли Сократ, если Сократ человек, а все люди смертны? Он посоветует обратиться к тем, кто знает Сократа. Исходные посыпки силлогизма он воспринимает как два изолированных вопроса. В 1930-е годы жители отдаленных кишлаков Средней Азии не могли решить силлогизм, оторванный от их непосредственного опыта: «На Севере, где вечный снег, все медведи белы. Место X находится на таком севере. Белы там медведи или нет?» Они отвечали психологам, задававшим им этот вопрос: «Я там не бывал и не знаю. Вот спросите старика Y, он там бывал, он вам скажет. А я врать не буду».

Ученые полагают: неграмотные крестьяне в русских глухих деревнях в XVIII–XIX вв. мало отличались от среднеазиатских крестьян 1930-х годов с точки зрения

⁶⁶ Там же. С. 366 (Ростовский у. Ярославской губ.).

⁶⁷ Романов В. Н. Историческое развитие культуры. Проблемы типологии. М., 1991. С. 50.

⁶⁸ Там же. С. 3.

познавательных процессов⁶⁹. Индивид способен к обобщениям среднего уровня — дает общее наименование однородных предметов; использует родовые понятия (овощи — это и капуста, и морковь, и щавель), использует слова, обозначающие родовые понятия: растения — это деревья и травы; вещи — это игрушки, посуда, мебель; плоды — это овощи, фрукты, злаки; движение — это бег, полет, плавание, хождение и т. д.; передает обобщенно названия действий (хождение, плавание), и признаков (белизна, голубизна, краснота) и т. д. Однако он оказывается малоспособным усваивать и понимать смысл слов высшей группы обобщений, выражающих предметность, признак, качество, количество, отношение. К особенностям симпрактического мышления можно отнести и то, что оно мало чувствительна к логическим противоречиям, сходство принимает за тождество; причину и следствие наделяет независимым бытием; смешивает реальное и идеальное, слово и действие, действительное и вымысел; неотчетливо разделяет субъект и объект, материальное и идеальное (т. е. предмет и знак, вещь и слово, существо и его имя), вещь и ее атрибуты⁷⁰.

На особенности психологии русского солдата, пришедшего в армию от сохи, обратили внимание офицеры, и применяли особые приемы обучения солдат. Выдающийся русский генерал А. П. Ермолов (1777–1861) считал, что уровень культурного развития, на котором находился русский солдат, предполагал дисциплинарную практику, отличную от западной. Поэтому он «относится к солдату иногда как старший брат, иногда как отец, иногда как бабушка — иногда с одобрением, иногда с восхищением, иногда с умилением, иногда с уважением, но никогда не закрывая глаза на некоторую, по его мнению, недоразвитость что ли, требующую особого подхода. Понятно, что таково же и мнение его о русском народе вообще, и именно тут во многом коренится его взгляд на преобразования в России»⁷¹. Другой популярный генерал и властитель дум в области военной теории и тактики в пореформенную эпоху М. И. Драгомиров (1830–1905) разработал в конце XIX в. систему «развития мозговой деятельности» солдат и описал ее в «Офицерской памятке» и «Солдатской памятке». Система основывалась на следующих принципах: «Сообщать понемногу одну, много — две мысли. Избегать книжных слов. При малейшей возможности прибегать к примеру или, еще лучше, к показу. Брать из передаваемого не все сплошь, а в порядке важности, применять к солдатскому быту и службе. <...> Простого человека нужно учить не словом, а делом, примером, показом. Покажи ему что-нибудь раз, и он задержит, поймет и будет помнить это лучше, чем ты ему расскажешь двадцать раз»⁷². Похожую систему за 100 лет до этого разработал А. В. Суворов (1730–1800) в «Науке побеждать» (1795).

⁶⁹ Лурия А. Р. Психология как историческая наука. (К вопросу о психологической природе психологических процессов) // Историк и психология / ред. Б. Ф. Поршнев, Л. И. Анцыферова. М., 1971. С. 36–62.

⁷⁰ Лурия А. Р. Об историческом развитии познавательных процессов. Экспериментально-психологическое исследование. М., 1974; Михайлюк А. Симпрактичность традиционной культуры // Докса. 2010. Вып. 15. С. 295–302; Соколов А. В. Общая теория социальной коммуникации. СПб., 2002. С. 283.

⁷¹ Давыдов М. А. Оппозиция Его Величества. М., 2005. С. 256.

⁷² Драгомиров М. И. Подготовка войск в мирное время (воспитание и образование) // Драгомиров М. И. Избр. труды. Вопросы воспитания и обучения войск. М., 1956. С. 650.

Симпрактическое мышление крестьянина обуславливалось его глубокой погруженностью в сугубо практическую деятельность, традиционным укладом жизни с его сезонной циклическостью, «круговоротом» дней и лет. Известный агроном и крупный администратор А. С. Ермолов (1847–1917), хорошо знавший крестьян, справедливо отметил: все знания русский земледелец получает опытным путем⁷³. Находясь в рамках природного течения хозяйственного цикла, ограниченный специфическими формами практики, крестьянин в подражание природе стремился поддерживать природный циклический ритм. Нарушение привычного ритма казалось ему опасным, поскольку могло вызвать разрушение жизненного уклада, привычного порядка. Отсюда традиционализм: опора на старину создавала ощущение психологической устойчивости, поэтому она и стала образцом для подражания. «У земледельца нет шага, нет поступка, нет мысли, которые не принадлежали бы земле, — констатировал Г. И. Успенский (1843–1902). — Она забрала его в руки без остатка, всего целиком, но зато он и не отвечает ни за что, ни за один свой шаг. Раз он делает так, как велит его хозяйка-земля, он ни за что не отвечает <...> Словом, если только он слушает того, что велит ему земля, он ни в чем не виновен; а главное, какое счастье не выдумывать себе жизни, не разыскивать интересов и ощущений, когда они сами подходят к тебе каждый день, едва только открыл глаза! Дождь на дворе — должен сидеть дома, ведро — должен идти косить и т. д. Ни за что не отвечая, ничего сам не придумывая, человек живет только слушаясь, и это ежеминутное, ежесекундное послушание, превращенное в ежеминутный труд, и образует жизнь, не имеющую, по-видимому, никакого результата <...>, но имеющую результат именно в самой себе»⁷⁴.

В представлении крестьянства время не было необратимым, линейным и бесконечно делимым (как у современного человека). Оно было циклическим и конкретным, т. е. привязанным к отдельным событиям и явлениям. Не существовало четкого различия времен года и их границ. Понятия весны, лета, осени и зимы существовали лишь в конкретном отношении ко времени и характеру трудовых процессов. Прошедшее и настоящее тоже четко не разделялись, прошедшее как бы вновь и вновь возвращалось. Поэтому будущее представлялось похожим на настоящее. Время не существовало в сознании крестьянства как абстрактная протяженность, но всегда оказывалось привязанным к его практическому опыту, к определенным событиям⁷⁵. Часы оскорбляли Бога, и вообще точное измерение некоторых процессов и явлений, зависящих от Божьей воли, например урожая, осуждалось и считалось грехом, так как Божий дар оценивать нельзя. Циклическое понимание времени мешало увидеть мир и общество развивающимися и осознать идеи изменения и развития, поддерживало традиционность крестьянских практик. Нечеткое разделение прошедшего, настоящего и будущего времени затрудняло и понимание причинно-следственных связей, существовавших между достаточно сложными явлениями природы и общественной жизни, ведь различие причины и следствия

⁷³ Ермолов А. С. *Всенародная агрономия*. М., 1996. С. 74, 379.

⁷⁴ Успенский Г. И. *Власть земли* // Успенский Г. И. *Собр. соч.*: в 9 т. Т. 5. М., 1956. С. 119–120.

⁷⁵ Плаксин Н. *Русский год* // Семейный круг. 1860. № 6. С. 180; Чичеров В. И. *Зимний период русского земледельческого календаря XVI–XIX веков*. (Очерки по истории народных верований). М., 1957. С. 11–12, 16; Швейковская Е. Н. *Русский крестьянин в доме*. Северная деревня конца XVI — начала XVIII века. М., 2012. С. 159–187.

предполагает их четкое разделение во времени, поскольку причина предшествует следствию⁷⁶.

Я-концепция крестьян

Материалы Бюро Тенишева, содержащие ответы на вопрос № 106 «Стремление возвысить свое общественное положение», позволяют реконструировать представления крестьянина о самом себе, его «Я-концепцию» и понять его как личность. Согласно анкете от корреспондента требовалось ответить на следующие вопросы: «Чем гордится крестьянин, силой ловкостью, нарядной одеждой, грамотностью, знанием? Пользуется ли зажиточный крестьянин большим уважением со стороны своих односельчан, или являются и другие отношения между бедными и богатыми? Стремятся ли крестьяне увеличивать свой достаток? Что они для этого делают? Соблюдают ли экономию, или пускаются в промыслы? Какой вид богатства предпочитается: в деньгах, земле, постройках, скотине, одежде, утвари и т. п.? Пользуются ли почетом крестьяне, занимающие общественные должности, например, сельского старосты или волостного старшины? Стремятся ли крестьяне занять общественные должности и что делают, чтобы этого достигнуть? Бывают ли между крестьянами личности, выдающиеся благотворительностью? Кому на какой предмет преимущественно жертвуют? Не преобладают ли пожертвования на украшение храма?». Корреспонденты ЭБ обстоятельно ответили на эти вопросы⁷⁷.

У типичного образованного человека XX в. к 15–17 годам (гимназиста, старшеклассника, студента и т. п.) развиваются способности к адекватному самовосприятию, самоанализу и самооценке, к самоконтролю, самокритике и самоопределению. Благодаря этому он может выделить себя из «других»; осознавать свою волю, свои интересы, свое место в коллективе, социальной группе, в большом обществе и свое назначение в жизни; сконструировать цельный и последовательный образ своего «Я». В действительности полное формирование этих способностей нередко происходит и позже — в юношеском возрасте (17–25 лет). Обладал ли взрослый крестьянин на рубеже XIX—XX вв. этими способностями образованного юноши?

⁷⁶ Сходное понимание времени наблюдалось во всей Европе в Средние века и в начале Нового времени: Диалоги со временем. Память о прошлом в контексте истории / ред. Л. П. Репина. М., 2008; Образы времени и исторические представления. Россия — Восток — Запад / ред. Л. П. Репина. М., 2010.

⁷⁷ РК. Т. 1. С. 33–34 (Буйский у.), 81–82, 129 (Ветлужский у.), 273–274 (Макарьевский у. Костромской губ.), 427–428 (Зубцовский у.), 502–503 (Корчевский у. Тверской губ.); РК. Т. 2, ч. 1. С. 154 (Пошехонский у.); ч. 2. С. 41 (Даниловский, Любимский, Романово-Борисоглебский уу.), 278 (Ростовский у. Ярославской губ.); РК. Т. 3. С. 109–111 (Жиздринский у.), 359, 380 (Козельский у.), с. 479 (Мещовский у. Калужской губ.); РК. Т. 4. С. 340 (Макарьевский у. Нижегородской губ.); РК. Т. 5, ч. 1. С. 243, 295, 428, 483, 564, 591 (Вологодский у.); ч. 2. С. 12, 191 (Грязовецкий у.), 751, 793 (Кадниковский); ч. 3. С. 175, 312–316 (Никольский у.), 576–578 (Сольвычегодский у.); ч. 4. С. 37, 90–91, 140 (Тотемский у.), 539–540 (Устюжский у. Вологодской губ.); РК. Т. 6. С. 23 (Обоянский у. Курской губ.), 181 (Вытегорский у. Олонецкой губ.), 279 (Порховский у. Псковской губ.), 315 (Новоладожский у. С.-Петербургской губ.), 442 (Одоевский у.), 474 (Тульский у. Тульской губ.); РК. Т. 7, ч. 1. С. 81, 156 (Белозерский у.), 397 (Демянский у.); ч. 2. С. 61, 464 (Череповецкий у.); ч. 3. С. 80 (Череповецкий у.); ч. 4. С. 82, 232, 247, 258 (Тихвинский у. Новгородской губ.); Фирсов Б. М., Киселева И. Г. Быт великорусских крестьян-землепашцев... С. 89–91 (Владимирский, Меленковский, Юрьевский уу. Владимирской губ.).

Для ответа на вопрос, суммируем ответы на вопрос «Чем гордится крестьянин?». «Главная гордость крестьянина — его достаток»⁷⁸. «Излюбленный вид достатка — хорошая постройка, скотина и одежда»⁷⁹. «Здесь крестьянин гордится или богатством и вообще независимым положением, или своей бывалостью с хорошими людьми, начальством»⁸⁰. «Больше всего гордиться крестьянин богатством. Богатство, в глазах крестьянина, есть высший идеал человеческого счастья»⁸¹.

Кроме богатства «высоко ценят и физическую силу, ум, здоровье и красоту». «Крестьяне очень ценят физическую силу и ловкость в работах, особенно если при этом имеется веселый и общительный характер»⁸². «Таковых силачей в праздник на-расхват, т. е. тащит его каждый парень к себе в гости, угощает его пирогами, вином, чаем, вдобавок считает за уважение для себя идти на гулянье с силачом. Особенно пользуются уважением еще игроки на гармониях»⁸³. «К питерякам (крестьянам, жившим несколько лет в Петербурге. — Б. М.) относятся с уважением, как к людям, много выдавшим, много знающим и богатым»⁸⁴. «Лица грамотные считаются выше неграмотных, и это крестьяне выражают так: “Как же можно сравнить человека грамотного с неграмотным, первый человек с глазами, а неграмотный что темь непросвещенная!” Недаром же говорит пословица: “За грамотного двух неграмотных дают, да и то не берут”»⁸⁵. «Крестьяне также высоко ценят религиозно-нравственное воспитание» и поведение, что служило стимулом, особенно для «стариков», быть нарочито религиозным, соблюдать посты и регулярно ходить в церковь»⁸⁶. «Пользуется уважением также и тот крестьянин, который обучил детей своих грамоте, и видят от них пользу родители и другие крестьяне»⁸⁷. «При гуляньях, при выезде в гости, при посещении церкви местные крестьяне гордятся, главным образом, нарядной одеждой. Во время летних работ крестьяне гордятся силой, ловкостью, умением работать быстро и хорошо»⁸⁸. «Гордятся крестьяне своими выдающимися природными физическими свойствами, умом, трудолюбием, чистотой работы, женой, благонравными и послушными детьми»⁸⁹. Гордятся грамотностью: «школа открыта в январе 1897 г., и грамотных очень мало»⁹⁰. «Крестьянин гордится хорошим самоваром, который стараются во время чаепития поставить так, чтобы он был виден из окошка»⁹¹. «Молодежь хвастает силой, озорством, даже распутством»⁹². «Бедный мужик, которому нечем больше гордиться, с сияющим лицом говорит: “Да уж супротив меня едва ли кто наполнит! Я никакому рубщику не подамси!” — “А косить, так я тебя кругом обхожу!” — сказал другой крестьянин. “Ну, косить я не

⁷⁸ РК. Т. 3. С. 479 (Тарусский у. Калужской губ.).

⁷⁹ Там же. С. 359 (Козельский у. Калужской губ.).

⁸⁰ РК. Т. 4. С. 340 (Макарьевский у. Нижегородской губ.).

⁸¹ РК. Т. 7, ч. 2. С. 61 (Череповецкий у. Новгородской губ.).

⁸² РК. Т. 3. С. 109 (Жиздринский у. Калужской губ.).

⁸³ РК. Т. 5, ч. 1. С. 244 (Вологодский у. Вологодской губ.).

⁸⁴ Там же. Ч. 4. С. 539 (Яренский у. Новгородской губ.).

⁸⁵ РК. Т. 7, ч. 4. С. 82 (Тихвинский у. Новгородской губ.).

⁸⁶ РК. Т. 5, ч. 4. С. 540 (Яренский у. Новгородской губ.).

⁸⁷ Там же. С. 539 (Яренский у. Новгородской губ.).

⁸⁸ РК. Т. 2, ч. 2. С. 278 (Ростовский у. Ярославской губ.).

⁸⁹ РК. Т. 7, ч. 3. С. 80 (Череповецкий у. Новгородской губ.).

⁹⁰ РК. Т. 1. С. 427 (Зубцовский у. Тверской губ.).

⁹¹ РК. Т. 3. С. 479 (Мещовский у. Калужской губ.).

⁹² Там же. С. 479 (Тарусский у. Калужской губ.).

спорю, а уж дрова рубить, так"... Работой крестьяне любят гордиться и притом не одной количественной ее стороной, но и качественной»⁹³.

Обобщая ответы, можно сказать, что предметом гордости могли быть материальное положение, высокий социальный статус, сила, ловкость, умение работать, грамотность, одежда, знания, «бывалость», специфические способности (игра на гармонии, хороший голос и т. п.), занимаемая общественная должность, знакомства с хорошими людьми, с начальством, выдающиеся природные физические свойства, ум, трудолюбие, высокое качество работы, жена («трудолюбивая, послушная и верная»), благонравные и послушные дети, благовидные поступки. «Никакие честные занятия крестьяне низкими или недостойными не считают»⁹⁴. «Если у кого нет положительных качеств, которыми он бы мог гордиться, тот гордиться отрицательными. Одна старуха в д. Анфалове и до сих пор с гордостью вспоминает, как она однажды в молодости съела с яичницей в одно яйцо 40 овсяных блинов. Крестьянин д. Бор гордится тем, что он после обеда может съесть 5 фунтов кренделей, а натошак и семь мало: "Вот у меня брюхо, так брюхо, — говорит он, когда зайдет речь о еде, — в это брюхо надо щей, а у вас что! Вишь, как живот подвело". А хорошие пьяницы, которые могут за один раз много водки выпить, широко пользуются своей популярностью, о них рассказывают как о настоящих богатырях. Барышник гордится тем, что он хорошо умеет старых и негодных лошадей переделывать на молодых и резвых. Настоящий вор с гордостью рассказывает, как сумел ловко украсть там, где другому и не подумать. Один знахарь, крестьянин Колоденской волости, гордится тем, что может испортить всякого человека, если захочет»⁹⁵. Некоторые «гордятся такими поступками, которые во всяком случае лучше было бы скрывать. ... Крестьянин д. Митюкова Владимир Семенов, постоянно меняющий лошадьми и коровами и при этом почти всегда обманывающий, истинно гордо говорит: "Кто меня, братец ты мой, обманет, тот трех ден не проживет! Смотри-тко, как я Ваню Шишку объегорил! Мишу-цыгана — и то обделал!"⁹⁶. «У самого скромного крестьянина бывают такие минуты в жизни, когда он не прочь погордиться чем-нибудь, что так или иначе, на его взгляд, выделяет его из среды окружающих соседей»⁹⁷.

Слово «гордиться» имело и имеет два значения: позитивное и негативное. *Позитивное* — испытывать чувство радости, удовлетворения от сознания достигнутых успехов, достоинств, способностей, положительных черт характера своих или других людей; быть исполненным чувства собственного достоинства и самоуважения. *Негативное* — держать себя высокомерно, надменно, считать себя выше, лучше других и с пренебрежением относиться ко всем, возноситься, заноситься, зазнаваться, кичиться, чваниться, возмечтать о себе, возомнить о себе, задирать нос, заспесивиться⁹⁸. В словаре В.И. Даля главное значение слова «гордиться» — «кичиться, зазнаваться, чванится, спесивиться, хвалиться, тщеславиться, быть

⁹³ РК. Т. 7, ч. 3. С. 81 (Череповецкий у. Новгородской губ.).

⁹⁴ Русские крестьяне. Т. 1. С. 273 (Макарьевский у. Костромской губ.).

⁹⁵ РК. Т. 7, ч. 2. С. 64–65 (Череповецкий у. Новгородской губ.).

⁹⁶ Там же. Ч. 3. С. 81 (Череповецкий у. Новгородской губ.).

⁹⁷ Там же. Ч. 2. С. 61 (Череповецкий у. Новгородской губ.).

⁹⁸ Словарь русского языка: в 4 т. 3-е изд. М., 1985. Т. 1. С. 332; Толковый словарь русского языка / под ред. Д. В. Дмитриева. М., 2003; Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2007.

самодовольным»⁹⁹. Характерно, что и в повседневной жизни крестьян слово «гордиться» означало прежде всего кичиться, хвастаться, бахвалиться. «Слово “гордость” на местном языке мало употребляется, его заменяют чаще другие — бахвальство, хвастовство; последние слова точнее выражают смысл крестьянской гордости. Про человека, который чем-либо гордится, говорят: “Вишь как хвастает, как бахвалит”»¹⁰⁰. Действительно, крестьяне не употребляли слово «гордиться» в смысле быть исполненным чувства собственного достоинства и самоуважения. «Крестьяне гордятся и силою, и одеждою, и знанием; а в особенности крестьяне любят *похвастаться* знанием»¹⁰¹. «Крестьянин гордится прежде всего домашней обстановкой: если у него много мебели, чисто в доме, он *кичится* перед соседом, у которого не так хорошо; далее гордится платьем, лошадьми»¹⁰². «Здесь крестьянин любит *похвастать* и силою, нередко пред кабаком бывают состязания в поднимании гирь, в борьбе и т. п.» (курсив мой. — Б. М.)¹⁰³.

Характерно, что нередко проявление гордости провоцировалось употреблением алкоголя. «Я знаю очень многих крестьян, которые в обыкновенное время никогда ничем не гордятся, ну а как только нашла веселая минута, особенно за *выпивкой*, куда и скромность девалась»¹⁰⁴. «Часто богатенькие мужички, *подвыпивши*, начинают *хвастаться*, у кого при себе больше денег, и иногда бьются об заклад, кто больше выложит на стол»¹⁰⁵. «Деньгами гордятся в следующих выражениях: “Да я вас всех в деревне-то куплю и продам! У меня денег куры не клюют! Я от деревни до деревни всю дорогу бумажками (кредитными билетами) устелю! Избу бумажками покрою!” — рассуждают на празднике два пьяные крестьянина. — “Да наплевать, что у тебя деньги есть! У меня и нет, да я себя считаю богаче тебя!” — “Нет, брат, врешь! На капитал, брат, все можно... А ты какой богач? У тебя, поди за душой гроша нет!” — “Мг! Велик твой капитал! Ну сколько у тебя?” — “А тысяча! Вот сколько!” — не сказал, а крикнул капиталист. “Ну, тысяча! У тебя пять сынов, значит, раздашь по 200 каждому”. Ну, что он с двумя сотнями станет делать! Заведи он то да се — и нету их! А у меня 60 десятин своей земли. Ну, три сына, значит, каждому дам по 20, — поезжай и живи, как барин! А твой много-ли с двумястами наскочет!»¹⁰⁶ «Гордость деньгами иногда доходит до глупости. Крестьяне идут на праздник с деньгами, показывают там многим, хвастают, спорят друг с другом о том, кто больше “выкинет” денег. В разговоре обыкновенном, т. е. когда речь идет не о богатстве, он личное местоимение первого лица употребляет в единственном числе, говорит “я”, но как только заговорили о богатстве, особенно в частности о его богатстве, он начинает говорить “мы”: “Мы, слава Богу, в люди ни за чем не ходим, всего своего с остатком”. <...> Крестьянин д. Горки Митрофан Маёр, человек очень бедный, но хороший лодочный мастер, взял удачный подряд на постройку “полулодка” и после расчета получил с хозяина 150 руб. Всякому, кто только приходил в его избу, Маёр показывал деньги и таким образом переказал всем сосе-

⁹⁹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. С. 378.

¹⁰⁰ РК. Т. 7, ч. 2. С. 61 (Череповецкий у. Новгородской губ.).

¹⁰¹ Там же. Т. 7, ч. 2. С. 465 (Череповецкий у. Новгородской губ.).

¹⁰² РК. Т. 3. С. 380 (Козельский у. Калужской губ.).

¹⁰³ РК. Т. 5, ч. 2. С. 751 (Кадниковский у. Вологодской губ.).

¹⁰⁴ РК. Т. 7, ч. 2. С. 61 (Череповецкий у. Новгородской губ.).

¹⁰⁵ РК. Т. 5, ч. 4. С. 91 (Тотемский у. Вологодской губ.).

¹⁰⁶ РК. Т. 7, ч. 3. С. 80–81 (Череповецкий у. Новгородской губ.).

ням, некому больше стало показывать, но желание хвастать небывалым капиталом у него еще не прекратилось. Сошел он на двор корове корму дать, вынул из кармана деньги, показал корове: “Погляди-ко ты, сколько у меня денег-то!”¹⁰⁷.

Почти все люди хвастаются в детском возрасте. Пик хвастовства приходится на 7 лет, потом оно постепенно стихает, в юношеском возрасте находится на невысоком уровне, у взрослых сходит на нет, так как считается неприличным. Психологи пришли к выводу, что у детей хвастовство — этап взросления и самоутверждения, *нормальный индикатор того, что ребенок развивается и взрослеет*. Он бахвалится, чтобы выделиться и привлечь к себе внимание, доказать право на индивидуальность, получить похвалу или одобрение и тем самым повысить свою самооценку, самоутвердиться, показать окружающим собственную ценность и компенсировать собственную неуверенность и низкую самооценку. У взрослых главная причина хвастовства — неуверенность в себе, низкая самооценка, комплекс неполноценности¹⁰⁸. «Большая же часть крестьян очень честолюбивы, стараются поставить свои дела и самих себя так, чтобы хоть чем-нибудь выделиться из среды собратий, быть замеченными, чтобы другие завидовали»¹⁰⁹. «Стремление увеличить свой достаток составляет главную злобу (особую важность. — Б. М.) крестьян»¹¹⁰. «Каждый крестьянин стремится поднять свое финансовое положение и стать на степень состоятельного»¹¹¹. «Почти каждый крестьянин старается приобрести себе кое-что лишнее, против имеющегося у него, старается сделаться посостоятельнее, возвысить свое положение в среде своих однодеревенцев. Я говорю почти, ибо есть и такие бедняки, которые об этом вовсе и не помышляют»¹¹².

Крестьяне «гордились» качествами, вызывавшими у окружающих одобрение, восхищение и, главное, уважение. В деревне центральным пунктом межличностных отношений были не власть и господство, а уважение и честь. Во всех ответах корреспондентов на вопрос 106 «Чем гордится крестьянин» красной нитью проходит желание крестьян быть уважаемыми и страх потерять лицо. Крестьянин был постоянно настороже относительно того, как к нему относятся «однодеревенцы», все ли правильно он делает, чтобы им нравиться и не заслужить хулы, в большом и малом. Например, если почему-нибудь не пригласили в гости, то со стороны неприглашенных бывает «много упреков», потому что это воспринималось как проявление неуважения и, значит, как потеря лица. «Честь свою крестьяне охраняют: если кто кого-нибудь назовет подлецом, то за это привлекают к ответственности в волостном суде»¹¹³. «Зажиточный крестьянин всегда пользуется уважением не только от своих односельчан, но от крестьян соседних деревень, а некоторые так и от целой волости. На сельских сходах к его голосу прислушиваются другие крестьяне, и только разве пьяницы и горланы не уступают ему. Каждый крестьянин, при встрече с зажиточным, снимает шапку и называет его по имени и отчеству и за счастье считает не только породниться с ним, но даже в праздник попасть к нему

¹⁰⁷ Там же. С. 82 (Череповецкий у. Новгородской губ.).

¹⁰⁸ Ильин Е. П. Психология зависти, враждебности и тщеславия. СПб., 2014; Кайл Р. Детская психология. Тайны психики ребенка. 3-е изд. СПб.; М., 2002.

¹⁰⁹ РК. Т. 7, ч. 3. С. 80 (Череповецкий у. Новгородской губ.).

¹¹⁰ РК. Т. 6. С. 315 (Новоладожский у. С.-Петербургской губ.).

¹¹¹ РК. Т. 7, ч. 4. С. 82 (Тихвинский у. Новгородской губ.).

¹¹² Там же. С. 233 (Тихвинский у. Новгородской губ.).

¹¹³ РК. Т. 1. С. 273 (Макарьевский у. Костромской губ.).

в число гостей»¹¹⁴. «Крестьяне, особенно бедняки, относятся к богачам с наружным почетом: низко кланяются при встрече, величают по имени и отчеству, лъстят и поддакивают»¹¹⁵.

Причинно-следственная связь между стремлением крестьянина к достатку и желанием заслужить уважение и внимание однодеревенцев четко зафиксирована корреспондентами:

«Достаточный крестьянин пользуется большим вниманием и даже почетом со стороны сельчан; *по этой причине у большинства заметно стремление улучшить свой быт и увеличить достаток*»¹¹⁶.

«Крестьяне высоко ценят умелое ведение своего дома, своего хозяйства. Тот крестьянин, который умело ведет хозяйство, пользуется уважением среди крестьян. Тот же крестьянин, который не заботится о хозяйстве, о доме, о пристройках дома и его принадлежностях, не заботится о земледелии и скотоводстве, *тот слывет (известен) за ленивого человека*»¹¹⁷.

«Чтобы возвысить чрез самолюбие свое положение в обществе и обратить на себя внимание народа, здешний крестьянин первым долгом старается обзавестись добропорядочным домом, отличающимся от прочих, как по наружному виду, так и по внутреннему устройству (о нескольких чистых комнатах), посудой для приема гостей в праздничное время, хорошею лошадию и упряжью на нее и нарядною одеждою на себя и своих семейников для праздничных дней. Потом заводит знакомства с зажиточными крестьянами и делает у себя особенные против других праздники, которые отличаются лучшими съестными припасами и водкой в изобилии, и, наконец, позволяет себе лишнее гостеприимство»¹¹⁸.

«*Кто богат, тот и умен*, он занимает и разные должностные места; у того и хорошая одежда, и хорошие лошади, и много скота, и грамотные ребяташки, и хорошие постройки; им и почета больше: идет ли, едет ли он, ему все соседи кланяются и величают по имени и отчеству, к нему и гости больше ходят и народ его больше знает»¹¹⁹.

«Особенность в имущественном положении резче заметна в пивные праздники¹²⁰: тут домохозяин встречает хотя и всех гостей вежливо, приветливо, но богача, волостное начальство проводит в передний (красный) угол или в отдельную горницу, если таковая имеется, ставит перед ним лучшее пиво со стаканами и графином водки с рюмками и просит угощаться, «пожалуйста, без церемоний»; тогда как *неродственников-бедняков* принимает всегда в избе и ставит перед ними одно пиво низшего сорта, или так называемую здесь жидель, т. е. пиво жидкое, а иногда проще — подносит это пиво стаканом и только» (курсив мой. — Б. М.)¹²¹.

¹¹⁴ РК. Т. 5, ч. 1. С. 428 (Вологодский у. Вологодской губ.).

¹¹⁵ РК. Т. 3. С. 109 (Жиздринский у. Калужской губ.).

¹¹⁶ Там же. Т. 3. С. 359 (Козельский у. Калужской губ.).

¹¹⁷ РК. Т. 5, ч. 4. С. 539 (Яренский у. Вологодской губ.).

¹¹⁸ Там же. Ч. 2. С. 191 (Грязовецкий у. Вологодской губ.).

¹¹⁹ РК. Т. 6. С. 279 (Порховский у. Псковской губ.).

¹²⁰ Пиво варили в деревнях к большим церковным праздникам. Покровителем российских пивоваров был Николай Чудотворец. Отмечали день его памяти 6 (19) декабря. К этому дню всей деревней варили пиво, а затем три дня отмечали праздник.

¹²¹ РК. Т. 5, ч. 4. С. 91 (Тотемский у. Вологодской губ.).

К беднякам относились сочувственно, если они впали в бедность по объективным и не зависимым от них форс-мажорным обстоятельствам, и со скрытым презрением, если причиной бедности являлись пьянство и лень, которые в большинстве случаев и составляли действительные причины бедности. «Крестьянин приобретает уважение богатством, а презрение распутной жизнью и пьянством, особенно в рабочую пору»¹²². «Между бедными крестьянами есть люди апатичные, у которых, кажется, нет никакого желания поднять свое значение в обществе. Их придавила нужда, они, что называется, опустили руки, потеряли надежду на возможность подняться в глазах соседей. Поговорка: “Где нам дуракам чай пить!” — говорится по большей части ими»¹²³. «Многие крестьяне, которые живут бедно, не думают увеличить свой достаток и стать зажиточным, а только заботятся о том, чтобы быть сытым и одетым, а иногда и пьяным и довольным»¹²⁴.

Бедняк являлся бременем для общины, он нуждался в помощи, нередко его недоимки приходилось оплачивать исправным мужикам. «Зажиточный крестьянин пользуется уважением со стороны своих односельчан, потому что ему приходится иногда ссудить чем-либо бедняка». Особым почетом пользуется тот богатый крестьянин, который «благотворительствует на нужды крестьян. Падет ли у кого из своих соседей ли, мужичков, или у соседних деревенских крестьян лошадь или корова, то он, иногда и без просьбы, или свою корову отдает потерпевшим, или посылает денег. Раздает бедным крестьянам на праздники муки, и ржаной, и пшеничной, чаю, сахару и пшена; детям их покупает на рубашки кумачу, также шапки, фуражки и пояски. Замечательно то явление, что он *благотворительствует только крестьянам честным и трезвым, а не пьяницам* (курсив мой. — Б. М.). Он — в высшей степени набожный и богобоязненный человек, поэтому и благотворительствует искренно, от чистого сердца»¹²⁵.

Как видим, в основе стремления к «богатству» лежали не только материальные соображения, но и в значительной мере моральные. Если крестьянин состоятельный — значит, «умный», работающий, деловой и заслуживающий уважения, а если бедный, то пьяница и лентяй, почтения не заслуживающий. «Крестьянин гордится, если у него подати заплачены, и сам он нужды не знает и живет безбедно»¹²⁶.

Говоря об уважении «богатства», следует иметь в виду два обстоятельства.

Во-первых, «богатство» означало в огромном большинстве случаев просто достаток. Самые большие богатеи из упомянутых корреспондентами имели 1000 руб. наличными или 200 десятин земли или 6 коров, 5 овец, 2 подтелка, лошадь и покупную землю, которую сами и обрабатывали с помощью наемного работника. Следует учесть, что об имуществе говорилось в состоянии опьянения, вследствие чего его величина наверняка преувеличивалась. При этом богатеи были главами больших семей (3–5 взрослых сыновей)¹²⁷, поэтому на работника, а тем более на душу населения приходилось не так много собственности или денег. В стремлении к «богатству», кроме достижения уважения, в большинстве случаев сказывалось

¹²² РК. Т. 4. С. 340 (Макарьевский у. Нижегородской губ.).

¹²³ РК. Т. 7, ч. 3. С. 80 (Череповецкий у. Новгородской губ.).

¹²⁴ РК. Т. 5, ч. 1. С. 429 (Вологодский у. Вологодской губ.).

¹²⁵ Там же. Ч. 2. С. 13 (Грязовецкий у. Вологодской губ.).

¹²⁶ РК. Т. 6. С. 315 (Новоладожский у. С.- Петербургской губ.).

¹²⁷ РК. Т. 7, ч. 3. С. 80–81 (Череповецкий у. Новгородской губ.).

также желание материальной независимости, чтобы не просить займы деньги и хлеб и не быть обузой родственникам и «однодеревенцам».

Во-вторых, уважалось не всякое «богатство», а нажитое своим честным, по понятиям крестьян, трудом, и при условии, если «богач» помогает бедным и занимается благотворительностью. «Хорошим домохозяином считается тот, который умеет поднакопить *честным* трудом денег» (курсив мой. — Б. М.)¹²⁸.

Состоятельные люди «пользуются неодинаковым уважением. Если это богатство приобретено им самим, *честным* трудом, на глазах у всех, если этот богач не сторонится людей, то его уважают, приводят в пример, ему подражают. Если же кто разбогател каким-либо нечестным образом, если к тому же он человек необщительный, то его не уважают, относятся к нему с насмешкой и иронией, а кто посмелее, тот и прямо в глаза его попрекает. К ним народ, победнее который, обращается за помощью в случае какой-либо нужды, несчастья; те помогают им, чем придется, а главным образом деньгами; от этого задолжавшие волей-неволей, для избежания различных неприятностей, показывают вид, что уважают их, стоят за них, когда это нужно и т. п.»¹²⁹. «Из занятий, как-то: “лошадиная гонка”, т. е. извозничество, переторговля, т. е. барышничество во всех видах, считается низкими и недостойными честного мужичка. Конечно, уж и воровство — так даже и презренно. Почетом пользуется заработок на чужой стороне, во всех его видах, конечно, *честных же*» (курсив мой. — Б. М.)¹³⁰. «Зажиточный крестьянин, если он горд, самолюбив, не прямодушен, корыстолюбив и не охотен помочь вовремя в беде бедному, не пользуется, несмотря на свое богатство, никаким особенным уважением со стороны односельчан, которого крестьяне хотя лично не ругают по случаю его богатого состояния, но заглазно всегда называют жадным и ненасытным и душевно ненавидят, желая ему зла. Напротив того, если крестьянин имеет и средний достаток, но со всеми всегда бывает ласков и открыт на разговорах и правдив, помогает бедным на время дачею займы хлеба и денег, тот всегда пользуется большим уважением со стороны односельчан, как лично, так и заглазно, коему крестьяне всегда желают хорошего»¹³¹.

Ради престижа и уважения крестьяне занимались общественными делами. «В старшины и церковные старосты выбирают по большей части крестьян состоятельных, и таким избранием *народ фактически доказывает свое уважение к ним*» (курсив мой. — Б. М.)¹³². «Крестьяне, занимающие должность волостного старшины, волостного судьи, церковного старосты, пользуются почетом и уважением»¹³³. «Есть три общественные должности, которые не прочь занять всякий крестьянин — старшины, волостных судей и церковного старосты. От остальных общественных должностей крестьяне откращиваются. Должности старшины ищут, т. к. она дает почет, власть и доход; на должность волостного судьи стараются попасть отчасти тоже из-за почета, хотя далеко не такого, каким пользуется старшина или церковный староста, а главное — “время теряется (на службу) праздное” (суд бы-

¹²⁸ РК. Т. 5, ч. 4. С. 539 (Яренский у. Вологодской губ.).

¹²⁹ РК. Т. 1. С. 427 (Зубцовский у. Тверской губ.).

¹³⁰ РК. Т. 5, ч. 1. С. 592 (Вологодский у. Вологодской губ.).

¹³¹ Там же. Ч. 2. С. 191 (Грязовецкий у. Вологодской губ.).

¹³² РК. Т. 7, ч. 3. С. 82 (Череповецкий у. Новгородской губ.).

¹³³ РК. Т. 1. С. 472 (Зубцовский у. Тверской губ.).

вает в воскресные и праздничные дни), а труд оплачивается хорошо. Избранный на должность церковного старосты со справедливою гордостью говорит под пьяную руку: «Мне весь церковный капитал приходом доверен!»¹³⁴

Таким образом, на рубеже XIX–XX вв. у крестьян обнаружилось стремление к самоопределению — выделению себя из других, осознание своих интересов, своего места в социальной группе. Оно часто носило наивный и детский характер и находилось у подавляющего большинства в рамках ближайшего окружения — деревни и общины и проявлялось в системе доступных им общественных отношений. Самоанализ, самоконтроль, самокритика получили развитие, хотя самооценка, понимание самого себя, своих возможностей и стремлений часто были неадекватными. Чувство личности и собственного достоинства неуклонно росло. «У молодого поколения, благодаря проливаемого школами просвещения, начинает проявляться сознание независимости, собственного достоинства и уже к прежним, бывшим как во время крепостного права и после него, деспотическим порядкам самосудства, молодежь относится как к чему-то безвозвратно минувшему, бывшему гнетом всего человечества. Между тем старики как будто жалеют бывшей расправы своим судом. <...> Молодое поколение начинает сознавать собственное достоинство и, гордясь свободой, говорит на замечания стариков о прежних порядках: “Вольно было вам, дуракам, спины-то гнуть под палки и розги без всякого суда, по одному произвольному решению какого-либо самодура”. Затем на совет стариков жить поскромнее и руководствоваться установившимися издавна обычаями, молодежь нередко говорит: “Да! Слушай Вас!”»¹³⁵

Важно отметить, что «индивидуализм», важнейшее качество Я-концепции современного человека, у крестьян в начале XX в. также получил развитие. Однако в своем большинстве по сути своей они еще оставались коллективистами, старались воздерживаться от того, чтобы идти вразрез с групповыми интересами, ставить личные цели и желания выше общественных, проявлять в своих действиях и поступках самостоятельность и независимость и строить свое поведение, исходя из собственных убеждений. Заслужить одобрение и уважение — вот в чем состоял главный мотив их повседневного поведения. О слабости индивидуализма можно судить по тому, как грамотные и развитые по крестьянским меркам земледельцы говорили о смысле жизни. Замечу — при прямом вопросе корреспондентов и при некоторой его помощи. Не исключено, что сами они никогда не задумывались и не формулировали для себя, в чем состоит смысл их жизни. «Некоторым крестьянам, у которых я летом переписывал книги и которые мне писали письма для Бюро, я предложил вопрос: “Для чего живет человек и что делает человек для души и тела?” Вот их приблизительные ответы. В ответах этих я исправил орфографические ошибки, заменил некоторые понятия и оформил некоторые фразы, не изменяя при этом смысла». Корреспондент привел ответы пяти земледельцев, которые слыли «учеными мужиками».

1. «Человек живет для того, чтобы произвести новое потомство. Если бы люди не делали этого, то вся жизнь людей прекратилась бы, земля бы заросла лесом и покрылась травой, а другие места водой. Человек должен владеть землей, трудиться и пользоваться

¹³⁴ РК. Т. 7, ч. 3. С. 84 (Череповецкий у. Новгородской губ.).

¹³⁵ Там же. Ч. 4. С. 93 (Тихвинский у. Новгородской губ.).

всеми благами. Бог сотворил небо и землю, а все полезное скрыл в земле. Человеку нужно эти богатства добывать. Для этого человеку Бог дал ум и силу. Трудом он кормит себя, свою семью, приносит пользу другим. Каждый трудится там, где указал ему Бог: иные занимаются земледелием, другие торговлей, третьи учат, четвертые служат Царю и отечеству, а есть и такие, только не у нас, а где-то далеко, что живут дикими и питаются растениями и людей едят. В свободное время надо и покой дать телу: отдохнуть после обеда, в бане помыться, погулять в праздники и вина попить. Для души надо помолиться дома и ходить в церковь, а также на богомолье в ближние и дальние монастыри, читать священные книги, делать добрые дела: помогать ближним, избегать неправды, всячески исполнять заповеди Божьи, а кто не будет этого делать, тот в ад угодит и душу на век погубит. А ад это есть море, наполненное горячей смолой. Там черти ходят по берегу да острыми копьями сбрасывают тех грешников, которые стараются всплыть. Надо помиловать умерших: это освобождает грешников от вечных мук».

2. «Послал Бог жизнь, так и живу. Кабы не сделал батька и не родила matka, так бы меня и не было на свете. Если я буду спать только со своей хозяйкой, так это я для души делаю, потому что заповедь Божью соблюдаю. А пойду к чужой бабе, грех будет, но зато телу удовольствие сделаю. Прежде всего, я должен работать, чтобы кормиться, кормить и одевать семью. Надо платить разные подати. Вот, кабы были у меня деньги, так я бы работать-то поменьше стал; а для спасения души изукрасил бы церковь, купил бы колокол. А денег нет, так и майся на этом свете, да и на том, пожалуй, хорошего места не заслужишь».

3. «Эта земная жизнь есть только приготовление к жизни будущей вечной. Человек всю жизнь должен стараться жить так, чтобы не погубить душу и спасти тело от вечной муки. Бог сотворил человека и сказал ему: “Размножайтесь, наполняйте землю и обладайте ею”. А потому надо заботиться о размножении своего потомства, и у кого больше детей, тот счастливее. Нечего заботиться, нечем будет кормиться: “Не пещитесь об утри: утрие бо само печется”. Надо жить и соблюдать заповеди Божии и законы человеческие. Для Бога надо иметь крепкую веру, добрые дела делать, творить молитву и соблюдать посты. Посты не только в том состоят, чтобы не есть в пост скоромного, а всегда надо воздерживаться в пище, а паче не пить вина. Апостол Павел сказал: “Не упивайся вином: в нем же есть блуд”. Трудиться надо не только для себя, а и для других, потому что и другие трудятся для нас».

4. «Цель жизни — продление рода человеческого и наслаждение благами земными. Надо и трудиться, кому Бог счастья, т. е. богатства, не дал, но трудиться, прежде всего, для себя и семьи, надо любить других и помогать другим, служить за веру и отечество. Под старость и о душе надо позаботиться: молиться Богу, чаще исповедоваться и приобщаться св. Тайн».

5. «Пока человек маленький, то должен почитать родителей, помогать им, любить. Когда вырастет, должен жениться, размножить потомство, заселять землю, обрабатывать ее, быть начальником над всеми животными и даже над миром. Жить надо так, чтобы никому не приносить вреда. Когда будут жить так, тогда и Царю легко будет править таким народом, тогда надо только от внешних врагов обороняться, а у себя будет мир и тишина, и Богу будет приятно. О душе придется меньше заботиться: спасение само придет. Не жить только нам так — все норовим, как бы себе получше, а другому похуже».

Корреспондент резюмирует: «Вот взгляды крестьян на те потребности, которыми должен удовлетворять человек. Были и еще ответы, но они служат только повторением на разные лады сказанного выше или представляют набор слов, в которых никакого толку не дать. В одном все сходятся: назначение человека все признают в размножении потомства и продлении рода человеческого. Главная цель труда тоже у всех одинакова: это обеспечение себя и своей семьи»¹³⁶. В ответах крестьян, которые, напомним, в деревенском кругу слыли «учеными мужиками», мало индивидуального, по сути это набор клише из проповедей, слышанных ими в церкви. Очевидно, они хотели понравиться корреспонденту и сформулировали христианский идеал жизни, как они его понимали, безотносительно к тому идеалу, которому они следовали фактически. В повседневных практиках, как мы видели, стремления крестьян были разнообразнее и человечнее. Они могли гордиться и находить удовольствие и удовлетворение фактически во всем, что они делали, мало задумываясь над смыслом жизни.

* * *

Подведу итоги сказанному. Подавляющее большинство русских крестьян в позднеимперской России не прошли систематического школьного обучения. Даже в 1917 г. двое из трех крестьян мужского и женского пола в возрасте 10 лет и старше были неграмотными. По этой причине они еще не вполне овладели познавательными способностями образованного человека и обладали специфическим, так называемым симпрактическим мышлением. Оно представляет собой практический анализ и синтез, обобщение без отрыва от конкретного и в пределах непосредственно доступной им информации. Абстрактное мышление слабо развито, индивид может оперировать информацией, почерпнутой почти исключительно из своего жизненного опыта и в рамках этого опыта.

Познавательным способностям соответствуют метакогнитивные умения человека — текущий самоконтроль и саморегуляция, способность размышлять о мыслительных процессах своих и других людей, заниматься самоанализом и самокритикой, анализировать свои поступки в прошлом, связывать их с реальностью настоящего и мысленно переноситься в собственное будущее, рассуждать на высоком моральном уровне¹³⁷. Ввиду этого Я-концепция крестьян и образованных людей существенно различались. В частности, в своем большинстве земледельцы являлись коллективистами и традиционалистами, старались воздерживаться от того, чтобы идти наперекор общепринятым в их мире практикам, идти вразрез с групповыми интересами, ставить личные цели и желания выше общественных, проявлять в своих действиях и поступках самостоятельность и независимость и строить свое поведение исходя из собственных убеждений. Нарушение привычного ритма казалось крестьянам опасным, поскольку могло вызвать разрушение жизненного уклада, привычного порядка, в то время как опора на традиции создавала ощущение психологической устойчивости. Поэтому старина и являлась образцом для подражания.

¹³⁶ Там же. Ч. 2. С. 264–265 (Череповецкий у. Новгородской губ.).

¹³⁷ Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание. М., 1986. С. 82, 105, 115, 215, 595.

Равнодушие к формальным операциям и логическим абстрактным рассуждениям не есть неспособность к мышлению: те же самые крестьяне, которым отвлеченная мысль давалась с трудом, в тех случаях, когда какой-нибудь предмет представлял для них жизненный интерес, показывали себя рассудительными, умелыми, искусными и изощренными. Психологи полагают, что говорить об иерархии типов мышления некорректно, они оперируют разным языком, по-разному контактируют с миром и только во взаимодействии представляют собой единую систему психической деятельности. К тому же крестьяне находили оригинальные способы решения проблем, возникавших вследствие слабого развития концептуального мышления. Компенсаторным способностям крестьян будет посвящена специальная статья.

References

- A'Hearn B., Baten J., Crayen D. Quantifying Quantitative Literacy: Age Heaping and the History of Human Capital. *Journal of Economic History*, 2009, vol. 69, pp. 783–808.
- Bgazhnikov V. Kh. Kul'tura empatii. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2003, no. 1, pp. 55–68. (In Russian)
- Belianin A. Deniel Kaneman i Vernon Smit: ekonomicheskii analiz chelovecheskogo povedeniia (Nobel'skaia premiia za chuvstvo real'nosti). *Voprosy ekonomiki*, 2003, no. 1, pp. 4–23. (In Russian)
- Berns R. *Razvitie Ia-kontseptsii i vospitanie*. Moscow, Progress Publ., 1986, 420 p. (In Russian)
- Chicherov V. I. Zimnii period russkogo zemledel'cheskogo kalendaria XVI–XIX vekov. (Ocherki po istorii narodnykh verovaniu). Moscow, Akademia nauk SSSR Publ., 1957, 236 p. (In Russian)
- Gorbunova M. Iu., Figlin L. A. Emotsii kak ob'ekt sotsiologicheskikh issledovaniu: bibliograficheskii analiz. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2010, no. 6, pp. 13–22. (In Russian)
- Daalen R. von. The Emotions. *Encyclopedia of European History from 1350 to 2000*. In 6 vols. Ed. by P. N. Stearns. Vol. 4. New York etc., Charles Scribner's Sons Publ., 2001, pp. 383–396.
- Davydov M. A. *Oppozitsiia Ego Velichestva*. Moscow, Zebra E Publ., 2005, 350 p. (In Russian)
- Fedorov V. A. Materialy V. N. Tenisheva kak istochnik po istorii kul'tury i byta russkogo krest'ianstva (konets XIX — nachalo XX v.). *Istoriograficheskie i istochnikovedcheskie problemy otechestvennoi istorii. Aktual'nye problemy istochnikovedeniia i spetsial'nykh istoricheskikh distsiplin*. Dnepropetrovsk, Dnepropetrovsk State University Press, 1985, pp. 54–59. (In Russian)
- Firsov B. M., Kiseleva I. G. *Byt velikorusskikh krest'ian-zemlepahtsev. Opisanie materialov Etnograficheskogo biuro kniazia V. N. Tenisheva (na primere Vladimirskoi gubernii)*. St. Petersburg, Evropeiskii Dom Publ., 1993, 472 p. (In Russian)
- Firsov B. M., Kiseleva I. G. Struktury povsednevnoi zhizni russkikh krest'ian kontsa XIX veka (opyt etnosotsiologicheskogo izucheniia). *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 1992, no. 4, pp. 3–14. (In Russian)
- Zhuravleva L. S. K istorii publikatsii "Programmy" V. N. Tenisheva. *Sovetskaia etnografiia*, 1979, no. 1, pp. 122–123. (In Russian)
- Il'in E. P. *Psikhologiia zavisti, vrazhdebnosti i tshcheslaviia*. St. Petersburg, Piter Publ., 2014, 208 p. (In Russian)
- Jung K. G. *O psikhologii vostochnykh religii i filosofii*. Moscow, Moskovskii filosofskii fond "Medium" Publ., 1994, 253 p. (In Russian)
- Kail R. *Detskaia psikhologiia. Tainy psikhiki rebenka*. 3^d ed. St. Petersburg; Moscow, Praim-evroznak; Neva Olma-press Publ., 2002, 413 p. (In Russian)
- Kaneman D., Tverski A. Ratsional'nyi vybor, tsennosti i freimy. *Psikhologicheskii zhurnal*, 2003, vol. 24, no. 3, pp. 31–42. (In Russian)
- Levi-Briul' L. *Pervobytnoe myshlenie*. Moscow, Ateist Publ., 1930, 337 p. (In Russian)
- Lurii A. R. Psikhologiia kak istoricheskaiia nauka: (K voprosu o psikhologicheskoi prirode psikhologicheskikh protsessov). *Istoriik i psikhologiia*. Eds B. F. Porshnev, L. I. Antsyferova. Moscow, Nauka Publ., 1971, pp. 36–62. (In Russian)
- Lurii A. R. *Ob istoricheskoi razvitiu poznavatel'nykh protsessov. Eksperimental'no-psikhologicheskoe issledovanie*. Moscow, Nauka Publ., 1974, 172 p. (In Russian)
- Liusin D. V. Sovremennye predstavleniia ob emotsional'nom intellekte. *Sotsial'nyi intellect. Teoriia, izmerenie, issledovaniia*. Eds D. V. Liusin, D. V. Ushakov. Moscow, Institut Psikhologii Publ., 2004, pp. 29–36. (In Russian)

- Mironov B. N. *Blagosostoianie naseleniia i revoliutsii v imperskoi Rossii: XVIII — nachalo XX veka*. 2nd ed., ispr., dop. Moscow, Ves' mir Publ., 2012, 848 p. (In Russian)
- Mironov B. N. The Development of Literacy in Russia and the USSR from the Tenth to the Twentieth Centuries. *History of Education Quarterly*, 1991, vol. 31, no. 2, pp. 229–252.
- Mironov B. N. Gramotnost' sel'skogo naseleniia Rossii v XIX — nachale XX veka. *Agrarnaia evoliutsiia Rossii i SShA v XIX — nachale XX veka. Materialy sovetsko-amerikanskikh simpoziumov*. Eds I. D. Koval'chenko, V. A. Tishkov. Moscow, Nauka Publ., 1991, pp. 336–355. (In Russian)
- Mironov B. N. Novaia istoricheskaia demografiia imperskoi Rossii: analiticheskii obzor sovremennoi istoriografii (chast' 1). *Vestnik of Saint-Petersburg University. History*, 2006, vol. 4, pp. 62–90. (In Russian)
- Mironov B. N. *Rossiiskaia imperiia: ot traditsii k modernu*. In 3 vols. 2nd ed., ispr. St. Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 2018. vol. 2, 912 p. (In Russian)
- Mironov B. N. *Rossiiskaia imperiia: ot traditsii k modernu*. In 3 vols. 2nd ed., ispr. St. Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 2018, vol. 3, 992 p. (In Russian)
- Mikhailiuk A. Simpraktichnost' traditsionnoi kul'tury. *Doksa*, 2010, vol. 15, pp. 295–302. (In Russian)
- Nachinkin N. N. Materialy Etnograficheskogo biuro V. N. Tenisheva v nauchnom Arkhive Gosudarstvennogo muzeia etnografii narodov SSSR. *Sovetskaia etnografiia*, 1955, no. 1, pp. 159–163. (In Russian)
- Romanov A. P. Povsednevnaia zhizn' russkogo sel'skogo uchitelia kontsa XIX — nachala XX v. *Sotsial'naiia istoriia: ezhegodnik. 2011*. Ed. by N. L. Pushkareva. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2012, pp. 156–184. (In Russian)
- Romanov V. N. *Istoricheskoe razvitie kul'tury: Problemy tipologii*. Moscow, Nauka Publ., 1991, 190 p. (In Russian)
- Romanova M. A. Razvitie poznavatel'nykh sposobnostei v kontekste kognitivnoi psikhologii. *Iaroslavl' Pedagogical Vestnik. Psychology*, no. 2 (55), pp. 62–66. (In Russian)
- Sokolov A. V. *Obshchaia teoriia sotsial'noi kommunikatsii*. St. Petersburg, V. A. Mikhailova Publ., 2002, 459 p. (In Russian)
- Shveikovskaia E. N. *Russkii krest'ianin v dome. Severnaia derevnia kontsa XVI — nachala XVIII veka*. Moscow, Indrik Publ., 2012, 366 p. (In Russian)

Received: June 9, 2018

Accepted: September 10, 2018